

СИБИРСКИЙ ФОРУМ

2015 | декабрь
интеллектуальный
диалог

ГОД ЛИТЕРАТУРЫ:

ЧТО МЫ УЗНАЛИ ПРО

авторов и книги ● стр. 2-24

РЕКОМЕНДУЮ!

Марина Саввиных:

● стр. 4

«Чтобы возникла по-настоящему серьёзная проза, нужна какая-то дистанция. В последнее время появляются произведения, в которых идёт осмысление периода 90-х — начала 2000-х годов. Очень интересная проза».

НАУКА КАК ЛИТЕРАТУРА

Ася Казанцева:

● стр. 7

«Когда я писала свою первую книжку, я ни к чему такому готова не была, и её успех многократно превзошёл все мои ожидания. Я написала её просто потому, что у меня была несчастная любовь, и я рассчитывала, что сейчас напишу книжку, её издадут маленьким тиражом, у меня будет одна презентация, о которой я напишу в Фейсбуке, а объект моей несчастной любви прочитает и поймёт, какая я крутая».

ПРИЗВАНИЕ ВЫБИРАЕТ ТЕБЯ

Михаил Стрельцов:

● стр. 12

«Самая большая ошибка людей, написавших стихотворение или рассказ, в том, что они не хотят учиться. Отсюда и чудовищное количество графоманов. Играют они двумя пальцами собачий вальс перед профессиональными музыкантами и не могут понять, почему те их не признают».

«Отец купил мне печатную машинку, и я стал собирать антологии символистов, футуристов, ну и так далее. И, конечно, как всякий подросток стал сам понемногу писать стихи. В пятнадцать-шестнадцать вся эта забава закончилась».

Но какая-то бацилла, как оказалось, всё же во мне засела, закрепилась. В результате в 2003-м начал писать свой первый роман "Патологии". У нас с женой тогда родился ребёнок, и я подумал: сына родил, дерево посадил, ну вот ещё книжку напишу. Первую и последнюю».

Захар ПРИЛЕПИН о свободе, политкорректности и забытых авторах

● стр. 8

«Я сегодня стал литературой», — сказал поэт Геннадий ШПАЛИКОВ, и мы последуем его примеру. Тема не нуждается в обосновании: на исходе Год литературы поговорить о ней — и нужно, и хочется. Впрочем, разговоры мы решили свести к минимуму. Чтобы оставить ещё хотя бы немного места на собственно литературу — стихи, эссе, рассказ. Мы очень надеемся, что если наш читатель в суматохе нынешней жизни и позабыл этот культурный навык — следить за книжными новинками, ходить на встречи с писателями, прислушиваться к их слову и просто-напросто читать книги, то это — временно. Ведь вот, оказывается, сколько у нас людей

талантливых! И как они равнодушны к радостям и бедам человека и страны. И какие точные, а то и пронзительные находят слова.

Мы сделали акцент преимущественно на красноярских авторах. Возможно, кто-то откроет для себя среди них и неизвестные имена. Также от каждого собеседника мы хотели услышать его список авторов — с этого, кстати, мы и начнём. А поскольку литература и любовь к слову — бесконечно шире и современного литературного процесса, и границ России, вот всего лишь одна цитата. Из великих. «Каждый по-своему воображает рай, мне он с детских лет представлялся библиотекой». БОРХЕС.

Про книжки

Любимые произведения многое говорят о человеке. Но наша цель, когда мы попросили известных земляков «составить свой личный рейтинг книг, обязательных к прочтению», была другая. Хотелось выйти за круг классических авторов, которых и без того «нельзя не знать». Дополнить «программный» список другой, не менее важной литературой, которая способна «сделать человека», или «задать направление», или просто «врезаться в память». Это не всегда художественная литература — кто-то предпочитает научно-популярные книги, мемуары, советы по развитию бизнеса или по психологии. Но книга с рекомендацией от людей, имеющих вкус, конечно же, заслуживает прочтения.

Эдхам АКБУЛАТОВ, мэр Красноярска

1. Нассим Николас ТАЛЕБ, «Чёрный лебедь». Талеба считают нью-йоркским финансовым гуру. Он известен своим скептическим и антиматематическим подходом к риску и неопределённости, а также открытой нелюбовью к академическим финансистам. Но его книга «Чёрный лебедь» — не учебник по экономике. Это размышления незаурядного человека о жизни и о том, как найти в ней своё место. «Чёрными лебедями» Талеб называет непредсказуемые происшествя. Он убеждён: именно они являются движущей силой в жизни каждого человека. И чтобы преуспеть, надо научиться их «приручать». Лично для меня эта книга — ещё одно подтверждение того, что в непредсказуемых ситуациях не стоит действовать по шаблону, а нестандартное решение может быть лучшим.

2. «Вы научитесь эффективно взаимодействовать с другими людьми: с начальником, с подчинёнными, с коллегой, с мужем или женой, с детьми и друзьями. Но самое главное — вы научитесь эффективно управлять самими собой!» — за этой стандартной рекламой скрывалась действительно толковая книга Стивена КОВИ «7 навыков высокоэффективных людей». Больше всего в этой книге меня удивил взгляд на независимость. Как это ни парадоксально звучит, Кови советует, чтобы обрести свободу, быть зависимым, точнее взаимозависимым человеком. На мой взгляд, эта книга обязательна к прочтению для тех, кто хочет не просто научиться управлять, а создать собственную «команду» и добиться успеха.

3. Мы часто говорим: Россия — страна талантливых людей. Российский учёный, доктор искусствоведения, исследователь архитектурного наследия Вячеслав Леонидович ГЛАЗЫЧЕВ был, безусловно, талантливым человеком. Его книги «Архитектура», «Урбанистика» и «Города без границ» должен прочитать каждый человек, которого интересует появление, развитие и сама философия современных городов. А каждому красноярцу эти книги помогут понять, что происходит с городом, в котором мы живём, и каким он будет — Красноярск будущего.

Валентина ЯРОШЕВСКАЯ, директор Красноярского краеведческого музея

1. Д. ГРАНИН, «Бегство в Россию» — потрясение от языка, стиля, образов.
2. «Скатерть» Лидии ЛЕБЕДЕВОЙ — мемуары о жизни советских писателей.
3. Светлана АЛЕКСИЕВИЧ, «Время секунд хэнд» — при подготовке экспозиции по XX веку очень помогает голос людей.
4. Пелам ВУДХАУЗ, «Ваша взяла, Дживс» — чтение для души.
5. И две книги из серии ЖЗЛ о наших современниках: Елена ЯКОВЛЕВА «Пиотровский» и Игорь ВИРАБОВ «Андрей Вознесенский».

Александр ЧЕРНЯВСКИЙ, политический аналитик, собственный корреспондент «Независимой газеты» в Красноярском крае

1. Лев ГУМИЛЁВ, «Русь и Великая степь» и другие работы. С концепциями Льва Николаевича можно не соглашаться, но знать их надо. Его книги крайне важны для понимания наших истоков. Ничего равного по объёму и качеству исследованного материала поставить с ними рядом не могу.

2. Дмитрий БАЛАШОВ, цикл «Государи Московские». Рекомендую тем русским читателям, кто ищет ответ на вопрос «Кто мы?». Плюс — доскональное знание предмета, великолепный язык, предельная искренность.

3. Иван ИЛЬИН, философские и исторические работы. Возможно, самый актуальный для современной России автор. Многие идеи, высказанные им ещё в 30–40 годах прошлого века, ждут своего воплощения.

4. Хорхе Луис БОРХЕС, рассказы и эссе. Великолепная гимнастика для ума!
5. Роджер ЖЕЛЯЗНЫ, «Хроники Амбера». На мой взгляд, лучший цикл в жанре «фэнтези». Сюжет, стиль, глубина идей. Даёт много пищи для размышлений. И ещё. Важно, чтобы правильные книги попадали к нам в руки в правильное время!

Татьяна КАЗАНОВА, председатель Красноярского городского Совета депутатов

1. СЕНЕКА, «Нравственные письма к Луцилию». Книга, написанная стоическим философом Сенекой, обладает афористичностью стиля. В размышлениях, завуалированных под обращения к прокуратору Сицилии, он рассказывает о своём мировоззрении, а главное — учит стоически пережить жизнь.

2. Автобиография Святителю Луки Крымского (В.Ф. ВОЙНО-ЯСЕНЕЦКОГО) «Я полюбил страдание». Книга рассказывает о верности идеалам, о высшей форме любви — принесении себя в жертву Богу и ближним блестящего хирурга, который жил и работал в том числе в городе Красноярске.

3. Д.С. ЛИХАЧЁВ, «Беседы о добром и прекрасном». Интеллигент высшей пробы, Дмитрий Сергеевич Лихачёв возвращает читателя к исконной отечественной культуре и напоминает о вневременных ценностях жизни.

4. В.А. СОЛОУХИН, «Письма из русского музея». Автор повествует о людях, которые сохранили русскую культуру, о народном духе в его лучших проявлениях. «Письма...» позволяют заглянуть вглубь себя, возвращают нас к собственной культурной идентичности.

5. В.П. АСТАФЬЕВ, «Последний поклон». Произведение Астафьева, написанное прекрасным языком, пронизано любовью к роду, народной мудростью, прославлением самобытных ценностей Сибири. На страницах одного из своих лучших романов Виктор Петрович воспевает национальный характер.

Дмитрий БУЕВИЧ, генеральный директор телеканала «Прима»

1. Нассим ТАЛЕБ, «Антихрупкость». Ливанец доводит до логической точки свою знаменитую теорию «чёрного лебедя»: о том, что эволюция и общественная, и личностная происходят не по каким-то законам, а под влиянием непрогнозируемых событий чрезвычайной воздействующей силы. И исследует, как от «чёрных лебедей» не разрушаться, а делаться сильнее.

2. Михай ЧИКСЕНТМИХАЙИ, «В поисках потока». Под «потоком» чикагский профессор из Трансильвании подразумевает то же, что известно нам как «кураж» или «драйв»: такое состояние, когда полностью сосредоточен на каком-то деле и впадаешь в эйфорию успеха. Чиксентмихайи описывает, как научиться ловить поток не от случая к случаю, а постоянно.

3. Хорхе БУКАЙ, «Любить с открытыми глазами». Хитрые психотерапевты облекли в форму почти художественного произведения свои теории — об осознанности, ответственности в первую очередь перед собой и людьми, с которыми сталкивается жизнь. Очень полезно, потому что заставляет критически посмотреть на, казалось бы, аксиоматичные, идущие из детства реакции и улучшить взаимоотношения с теми, кто дорог.

4. Михаил ВЕЛЛЕР, «Легенды Арбата». Симпатичная экспрессивно-ироничная стилистика текстов, и просто очень смешно. Особенно про Михалкова-морпеха.

5. Владимир СОРОКИН, «Теллурия». Вроде бы фантазмагорический бред о ближайшем будущем человечества — с неофеодализмом, закатом Европы, постоянной темой гомосексуализма. Читать неприятно. А после недавнего нашего мигрантов и терактов в Париже — ещё и страшно: неужели сбудется и всё остальное? И плюс стилистика: кажется, в книге есть все известные человечеству литературные жанры.

Артур МАТВЕЕВ, специальный корреспондент телеканала Life news

1. Урсула ле ГУИН, «Волшебник Земноморья». О том, что сказка и детская история мальчика, который решил стать магом, — это не милая шалость для школьников, а серьёзная история взросления и исследование мифа, да и путешествие по архетипу мифа и внутреннему миру взрослеющего человека, вынужденного каждый день сражаться со своей Тенью и не всегда побеждать. Полезно прочесть, чтобы понять, откуда взялись «Звёздные войны», Гарри Поттер и т.д.

2. Александр Михайлович РОМАНОВ, «Книга воспоминаний». Прочитать мемуары великого князя из династии Романовых меня подтолкнул то ли интернет-спам, то ли очередной холивар (очень бурная дискуссия с подбрасыванием на вентилятор) между современными западниками и славянофилами, демшизой и ура-патриотами, любителями рока и попсы, людьми с разными симптомами одного и того же психического расстройства, называйте как хотите. Спорили, как обычно, о России и свободе до конца.

Книга талантливо и увлекательно написана — это не нудные размышления человека со стороны, а по сути приключенческий роман, взгляд изнутри: история мальчика и мужа, который вырос внутри семьи, олицетворявшей Российскую империю. Оказалось, по сравнению с последними десятилетиями этой империи «Игра престолов» — лишь оптимистичный комикс. Грустные наблюдения о личном и личностях той эпохи, сага о том, что колеса истории неумолимо перемалывают тех, кто не успел и не смог вовремя взглянуть на часы исторического процесса. Вердикт: всё грустно и вокруг идиоты.

3. Джозеф КЕМПБЕЛЛ, «Тысячеликий герой». О том, что над сибирскими эвенками, туземцами Океании, персами, греками и индейцами нависает один товарищ с тысячей лиц. Он, конечно, пришёл не из откровений Иоанна Богослова, а из наших общих, веками накопленных догадок, страхов, сомнений и подкожных воспоминаний. Антропологический винчестер накопил уже немало гигов информации, из которой можно сделать лишь один вывод — вся реальность, которая нас окружает, основана на давно устаканенных стереотипах и ритмичных плясках у костра, поэтому разницы между дикарём — вождём племени, который заколот копьём Священного слона, и выступлением президента на Ассамблее ООН по сути нет — они все строятся по чётким мифологическим лекалам и развиваются по проверенным законам. Полезно увидеть, как всё забавно, и понимать законы мифов.

4. Вадим РУДНЕВ, «Реальность как ошибка». Книга известного российско-го философа помимо того, что иногда утомляет обилием труднопроизносимых фамилий, как КЬЕРКЕГОР и ДЕРРИДА, на протяжении четырёхсот с небольшим страниц развивает и доказывает довольно неприятную для нынешней селфи-культуры теорию о том, что вся наша персональная уникальность — лишь произвольный набор скачанных клипов, статей, котиков и другого мусора, который мы случайно сохранили во внутренней памяти и почему-то сочли своим трепетным и неподражаемым внутренним миром.

5. Пётр ВАЙЛЬ, «Карта Родины». О том, что история страны — это эмоции и внутреннее состояние людей, в ней живущих, и состоит она из небольших наблюдений и реальных жизненных рассказов, выстраиваясь подобно карточному домику или лоскутному полотну. Путешествия по России с 90-х по нулевые, записанные одним из самых талантливых мастеров слова и стиля. Это — сборная солянка коротких баек и наблюдений, разбитых по геотемам с западных рубежей бывшей империи (Прибалтика) до её дальневосточных границ (Владивосток), этокое роуд-муви из смеха и страха — двух основных, пожалуй, составляющих нашей Родины. К тому же помогает понять, как писать легко, и понятно, и вкусно, и жутко. У Вайля — тут не боюсь сгинуть в помойной яме литературного подобию-страстного максимализма — всегда великолепные тексты.

Валерий ТЕРЁШКИН, создатель и руководитель «Свободного балета»

1. Библия. Это книга книг, и читать её надо всю жизнь. Всё равно каждый раз будешь открывать новое.

2. Макс ФРАЙ, «Энциклопедия мифов». Чтение для удовольствия, расслабляет и отвлекает, как фэнтэзи в принципе.

3. Макс Фрай «Путешествие в Ехо» (все книги серии), «Ключ из жёлтого металла». Юмор, вообще элегантно написано.

4. С.Н. ЛАЗАРЕВ, «Диагностика кармы». Помогает в самопостижении, заставляет задуматься и проанализировать жизнь и взаимосвязь событий в мире.

5. «Учение Будды». Какие комментарии? Просто читать надо.

Владимир ЛАНДЕ, художественный руководитель и главный дирижёр Красноярского академического симфонического оркестра

1. Михаил БУЛГАКОВ, «Бег». Потому что там описано состояние перехода целой страны из одной эпохи в другую. Это эпическое произведение почти в библейских масштабах.

2. Габриэль Гарсиа МАРКЕС, «Сто лет одиночества». Потому что написано это языком, с моей точки зрения, почти музыкальным, и форма там почти музыкальная — это как симфония. И мне это произведение интересно не столько с точки зрения содержания, как с точки зрения идеальной совершенно формы и идеального написания и построения, а произведение очень масштабное.

3. Александр Сергеевич ПУШКИН, «Капитанская дочка» и «История Пугачёвского бунта». «История Пугачёвского бунта» — это одно из первых произведений исторического публицистического жанра, где проведена колоссальная работа над историческими материалами. А в «Капитанской дочке» все те события, которые Пушкин исследовал в «Истории Пугачёвского бунта», преломлены через художественное воспроизведение, вплоть до противоречия автора самому себе. То есть понимание действительности и понимание художественного отображения этой действительности — вот, пожалуй, ключевой момент для любого творческого человека.

4. Джером Дэвид СЭЛИНДЖЕР, «Над пропастью во ржи». Роман важен для морального облика нового поколения.

5. Марк ТВЕН, «Пешком по Европе». Критический обзор европейской культуры. Очень актуально, как, впрочем, и раньше.

Гамлет АРУТЮНЯН, врач-онколог, член Российской академии естественных наук; член Союза писателей России

1. «Архипелаг ГУЛАГ» Александра СОЛЖЕНИЦЫНА. Здесь собрана воедино основная информация об одной из трагических страниц нашей истории в XX веке, и не знать этого — нельзя.

2. «Царь-рыба» Виктора АСТАФЬЕВА. Я прочёл эту вещь, ещё когда она печаталась в «Нашем современнике». Но и сейчас, перечитывая, могу сказать — впечатление нисколько не стирается. Это повествование большого мастера и великодушного рассказчика, и оно особенно близко нам, сибирякам.

3. «Мастер и Маргарита» Михаила БУЛГАКОВА. Журнал «Москва», где был напечатан этот роман, трудно было выпросить даже на ночь. Помню, товарищ привёз мне его из Владивостока; похоже, на журнал ставили сковородку, но я «проглотил» роман с огромным удовольствием — великое произведение и богатейший язык. Кстати, Булгаков был врачом, и от него можно перекинуть мостик к другим писателям из медиков.

4. «Башня птиц» Олега КОРОБЕЙНИКОВА, красноярского врача и писателя, в своё время наделала много шума, была переведена на 15 или 16 языков. Но и другие его произведения мне близки — «Гололёд», «Стол рентгена»... И ещё один медик — поэт Лев ТАРАН, его книга «Дежурство». Из наших писателей я бы ещё упомянул Сергея КУЗНЕЧИХИНА. Его «Рассказы Петухова Алексея Лукича» — это своеобразная история России конца XX века, они издавались в том числе в Америке.

5. Есть ещё целый список любимых авторов, прозаиков и поэтов — ХЕМИНГУЭЙ, Курт ВОННЕГУТ, РЕМАРК, Василий АКСЕНОВ, Анатолий ГЛАДИЛИН, Сергей ДОВЛАТОВ, Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ, Борис СЛУЦКИЙ... Также всем рекомендую бы книгу Нины БЕРБЕРОВОЙ «Курсив мой».

Александр УСС, председатель Законодательного Собрания Красноярского края

Мои любимые авторы — ХЕМИНГУЭЙ, РЕМАРК и МАРКЕС. Хемингуэя я читал уже в подростковом возрасте, и он мне всегда нравился. Ремарка и Маркеса — попозже. Все они учат более философскому взгляду на жизнь, какому-то, как принято сейчас говорить, её стратегическому измерению. И ведь правда — когда читаешь, например, «Сто лет одиночества» — начинаешь мыслить столетиями, масштабно.

«День и ночь» на пути

Красноярскому литературному журналу «День и ночь» — 23 года. Для периодического издания немного, но с учётом эпохи, в которую он родился и окреп, — целая вечность. В любом случае «ДиН» — один из культурных феноменов и бесспорное достояние города: нечасто провинциальные журналы попадают в число самых известных изданий российского литературного мира.

Главный редактор журнала, писатель и поэт Марина САВВИНЫХ рассказала, как редакция выбирает авторов, кого из них считает открытием года, с чего всё начиналось и какие жанры нужны современному читателю.

— Марина Олеговна, как удаётся выпускать толстый литературный журнал в экономически сложные времена, да и в обычные тоже? Каков тираж «ДиН» и где он распространяется?

— Сейчас «День и ночь» выходит благодаря поддержке края. Спасибо и нашим депутатам, и правительству края, и Агентству печати и массовых коммуникаций, которые последовательно поддерживают местные культурные и литературные проекты. Каждый год мы участвуем в конкурсе на предоставление субсидий, разработанном специально для СМИ, который реализует социально значимые проекты, и пока удавалось его выигрывать.

Этих средств хватает, чтобы издавать журнал тиражом в 1200 экземпляров. Тысяча сразу уходит в библиотечный коллектор и через него распространяется практически по всему краю, в районные и муниципальные библиотеки, отправляется в Москву и в библиотеки других городов, с которыми у нас налажены дружеские контакты. Небольшая часть остаётся, чтобы мы могли отправить авторские экземпляры, ещё часть уходит на подписку.

Конечно, 1200 — это немного. Но каждый номер «ДиН» выкладывается практически на всех специализированных интернет-ресурсах, в том числе и в популярнейшем «Журнальном зале», и на портале «Мегалит». Мы используем все возможности, которые предоставляет Интернет, и таким образом журнал расходится гораздо более широко, чем это позволяет «бумажный» тираж. Референтное литературное сообщество в основном оценивает «День и ночь» очень высоко. Многие называют его в десятке самых престижных русскоязычных изданий.

Не говорю о том, что наши авторы живут в разных странах — условно «от заката до восхода». Коллеги-иностранцы, с которыми я общаюсь, тоже очень одобряют и контент журнала, и его оформление.

— Толстый и регулярно выходящий литературный журнал в провинции, причём журнал высокого уровня, — необычное явление. Красноярск, можно сказать, даже не дорос до него... Почему, как вы считаете, «День и ночь» стал феноменом, какие предпосылки существовали для этого изначально?

— Наверное, это чудо. По сути, журнал возник вопреки времени и обстоятельствам. В начале 90-х, когда всё рушилось, в крае вдруг счастли-

вым образом пересеклись интересы бизнеса, писателей, представителей власти — тогдашнего губернатора Валерия ЗУБОВА, директора завода комбайнов Льва ЛОГИНОВА, знаменитого красноярского художника-дизайнера Олега АМПИЛОВОГА и многих других. Первый номер «Дня и ночи» был подписан в печать в декабре 1993 года и вышел в свет в январе 1994-го.

Понятно, что очень многое в судьбе журнала было связано с участием и именем Виктора Петровича АСТАФЬЕВА. Без него ничего бы не случилось. Именно он тогда поддержал инициативу красноярских писателей, которые мечтали о местном журнале «не хуже московских».

Может быть, сыграли свою роль центробежные вихри 90-х — тогда все регионы стремились создавать у себя что-то своё. «Солнцев и его команда» решили: мы же можем! И основали журнал, словно соревнуясь с московскими «толстяками» — «Новым миром», «Знаменем», «Октябрём»... Поначалу «ДиН» был тоненьким, скромным, на серой бумаге. Но к его созданию подключились лучшие литературные силы региона во главе с Виктором Петровичем: Роман СОЛНЦЕВ, Эдуард РУСАКОВ, Сергей ФЕДОРОВ, Николай ЕРЁМИН, Андрей ЛАЗАРЧУК, Михаил УСПЕНСКИЙ... Эта замечательная когорта смогла подготовить достойное издание. Правда, никто особенно не верил, что «День и ночь» долго продержится. Роман Харисович Солнцев каждый год говорил: всё-всё, этот номер последний, больше не могу, закрываемся. Наверное, это было чем-то вроде заклинания злых духов — журнал выходит до сих пор. Недавно мы сдали в печать последний, шестой, номер этого года и вплотную занялись формированием «портфеля» на следующий, 2016-й. При этом «ДиН» не просто «продержался» 22 года. Он совершил множество открытий, значимых не только для литературы края, но и для всей современной литературы на русском языке.

— Кто придумал название журнала?

— Даже не знаю. Само словосочетание достаточно избитое, однако в нём есть важный для нас смысл: с самого начала предполагалось, что журнал станет площадкой для диалога между разными поколениями, точками зрения, разными географическими полюсами. Он должен был давать срез всей необъятной литературной жизни. Мы до сих пор при-

держиваемся этой позиции. Сейчас, когда мир невероятно поляризован, редакция сохраняет традицию, как мы говорим, прогрессивного консерватизма.

У нас представлено всё, за исключением крайних экстремальных проявлений. Мы ведём линию на понимание мира. Не на отрицание, не на конфронтацию, а именно на понимание. Мне кажется, это имел в виду и Астафьев, когда поддерживал журнал, и Солнцев, когда брал на себя окаянские, в те времена особенно, бразды правления им. Мы и теперь надеемся, что можем сохранять у себя тот благодатный центр, солнце, которое освещает весь литературный мир.

— Знает ли «День и ночь» своего читателя?

— У нас лучшие в мире читатели! Их очень много. Конечно, это, прежде всего, наши же авторы, нынешние и будущие. Это пенсионеры: люди старшего поколения — самые благодарные читатели «ДиН». Они откликаются на каждый номер, пишут письма, через детей и внуков обращаются к нам по электронной почте.

— Это те, кто в своё время привык читать толстые журналы.

— Да, но не только они. Среди наших читателей много молодёжи, которая видит в «ДиН» площадку для своих первых литературных опытов. Очень многие интересные писатели и поэты дебютировали у нас.

Вообще читательская аудитория складывается по-разному. Общество сейчас буквально наэлектризовано. Есть те, кто считает нас «ватниками». Ничего не имею против своего «ватничества», но «День и ночь» в один цвет красить, по-моему, несправедливо: мы продолжаем печатать украинских авторов и ни в коем случае не ставим крест на украинских писателях. В то же время работаем и с Донбассом, где есть потрясающие поэты, прозаики, публицисты. Активно сотрудничаем с Международным Союзом писателей Иерусалима, с «русскими американцами». Много работаем с Кавказом — с писателями Осетии, Дагестана, Чечни, налаживаем контакты с Арменией и Грузией. Короче говоря, всеми силами стараемся быть миротворцами.

Мы против экстремизма и национализма и не разделяем крайних позиций. Но «прилетает» нам и справа, и слева постоянно за то, что печатаем «не тех». Так устроен мир. Мне кажется, надо радоваться, что есть журнал, в котором отражаются разные точки зрения.

— У «Дня и ночи» есть постоянный круг авторов?

— Конечно. Во-первых, у нас очень интересная редколлегия. Это не свадебные генералы, а люди, которые активно формируют редакционную политику. Они рекомендуют авторов, присылают тексты. И я как главный редактор ориентируюсь прежде всего на их мнение. У журнала огромнейшая, просто неподъёмная почта: тысячи рукописей.

— И чем редакция руководствуется при выборе произведений для публикации?

— Есть сотрудник, работающий с так называемым самотёком, он и проводит самый первый отбор. Оставшееся рассылает по отделам прозы, поэзии, публицистики — редакторы формируют «портфель». Отбираем лучшее из того, что есть. По каким критериям? Первое — это всё-таки содержание. Оно всегда говорит о масштабе личности, о том, какие проблемы и вопросы нашего сумасшедшего мира поднимает писатель. Это может быть политика, взаимоотношения поколений, гендерные отношения, всё, чем живёт современный человек.

Второе — как это подано, насколько автор владеет формой и русским языком. Мы ориентируемся на хороший литературный язык, основанный на традициях и развивающий их: я глубоко убеждена, что культура живёт только тогда, когда развивается. Поэтому мы не чужды новациям, экспериментам в области формы.

Хотя, честно говоря, мне кажется, время формальных экспериментов уходит: что ещё можно придумать? Стихи писать в строчку, прозу в столбик, без знаков препинания и прописных букв — всё это ерунда на самом деле. Главное, чтобы читатель ощущал...

— Мысль?

— Даже не мысль. Чтобы он понимал: есть люди, которые вместе с ним погружаются в бездну современных проблем. Можно сказать, исследуют и преодолевают ад. Читатель устал от глупостей, от негатива, монстров, маньяков, педофилов, чернухи. Наелся этим досыта. Слава богу, начинает активно заявлять о себе другая литература. Помните, каким раньше был постапокалиптический кинематограф? Действие происходило в каком-нибудь 3000-м году — взбесившиеся машины, вампиры, зомби и осатаневшее от страха и голода, доведённое до животного состояния малочисленное человечество... Современное же постапокалиптическое кино — о том, что произойдёт буквально завтра. О том, как завтра мы встретимся с самими собой. Это будет мир живых мертвецов или такой, где выжившие станут изо всех сил держаться друг за друга и помогать друг другу? Даже Голливуд нынче снимает кино, призывающее: давайте обнимемся, протянем ближнему руку, все мы люди... Новый гуманизм поднимается из этой бездны. С одной стороны, новый гуманизм, а с другой — новый героизм. Тот же Донбасс, но не только.

Именно эти импульсы улавливает современная литература, в том числе молодая. Почта поступает в редакцию со всего мира, и мы рады представить новые имена и тексты нашим читателям.

— А какие жанры больше всего востребованы? И в каком жанре, по-вашему, протекает современная жизнь?

— Публицистика сейчас невероятно сильная. Как и во все переломные

К ПОНИМАНИЮ МИРА

эпохи. Поэзия. Эти литературные потоки тесно связаны между собой и в революционные моменты бытия всегда выходят на первый план. Следом идёт драматургия, а дальше уже проза. Чтобы возникла по-настоящему серьёзная проза, нужна какая-то дистанция. В последнее время появляются произведения, в которых идёт осмысление периода 90-х — начала 2000-х годов. Очень интересная проза.

— А красноярская литература на какой стадии развития?

— У нас всё сложно. Мои наблюдения, к сожалению, наводят на грустные мысли. Пережив уход больших, ярких писателей — Виктора Астафьева, Романа Солнцева, Алишета НЕМТУШКИНА, Бориса ПЕТРОВА, Анатолия ЧМЫХАЛО, Михаила УСПЕНСКОГО (я уже не говорю о тех, кого мы потеряли в 90-е годы), — не вижу им достойной смены. Наверное, это связано с провалом образования, культуры, который продолжается до сих пор. Может быть, время спустя — а оно, наше время, летит стремительно — литературная молодёжь заявит о себе. Ждём.

Большую работу в этом направлении ведёт сейчас Фонд Астафьева — в этом году, например, его лауреатами стали Елена БЕЗЫЗВЕСТНЫХ, которая родилась и в раннем детстве жила в Красноярске, и Сергей ТЕНЯТНИКОВ, тоже красноярец по рождению, живущий ныне в Германии. Есть такая печальная тенденция: как только молодой писатель становится на ноги, чувствует силу — так немедленно отправляется за славой в столицы! Уехала в Чехию талантливейшая Наталья СКАКУН. Фактически москвичкой стала набирающая литературный авторитет Дарья ВЕРЯСОВА. В Москве живут и учатся-работают Варвара ЮШМАНОВА, Алёна БОНДАРЁВА, Дарьяна АНТИПОВА. И таких историй множество.

— Литературный лицей — ещё один особенный красноярский проект. Как он развивается сейчас, насколько вы принимаете в нём участие?

— Лицей работает при гимназии № 1 «Универс», но открыт для всех юных красноярцев, желающих в нём заниматься. Форма обучения — дополнительное образование. Как музыкальная или художественная школа. Самый маленький лицейцам 9—10 лет. Занятия проходят два-три раза в неделю, работают мастерские прозы, поэзии, школьной публицистики, сценического искусства. При этом занятия в мастерских сопровождаются серьёзными курсами русского языка, истории и теории литературы. То есть школьные дефициты, как показывает многолетняя практика, лицей успешно восполняет.

Наши выпускники — «стобалльники» — продолжают обучение в Москве и Петербурге, имеют возможность выбирать любой гуманитарный факультет. Лицейсты даже выпускают для города свою литературную газету — «Детский район». Замечу, что мы никогда не ставили перед собой задачу «учить на писателя». Мы воспитываем читателей, помня завет Виктора Петровича Астафьева, который говорил: «Если только вы соглашаетесь с тем, что вы будете литераторами, готовьтесь к огромному внутреннему постоянному труду, постоянному чтению от утра и до вечера, чтению не только того, что вам нравится, но чаще всего того, что вам не нравится, совершенствованию, обязательному приобщению к музыке, к природе... без этого никакого литератора не бывает».

Сейчас от лица я немного отошла, в основном занимаюсь журналом. Кроме того, я глубоко убеждена, что любая организация должна в какой-то момент отделиться от своих создателей и начать самостоятельную полноценную жизнь. Лицей прекрасно себя чувствует, я прихожу, помогаю, общаюсь с ребятами, но теперь уже не в постоянном режиме.

— А как вы стали редактором «Дня и ночи»?

— В 2007 году, когда ушёл из жизни Роман Харисович, я оказалась единственным на тот момент человеком, который отважился взять на себя всю массу существовавших и возникающих проблем. Не потому, что хотела. Я тогда согласилась только потому, что была уверена: доведу до конца начатые проекты, поработаю, пока не найдётся кто-нибудь более подходящий для этого дела, и уйду. Но когда полгода миновали, я поняла: после всего, что пришлось выдержать, никому уже журнал так вот запросто не смогу доверить.

— Что было самым трудным тогда и остаётся сложным сейчас?

— Деньги и люди. В тот момент рядом со мной встали наши писатели Александр Иванович АСТРАХАНЦЕВ, Сергей Данилович КУЗНЕЧИХИН, Михаил Михайлович СТРЕЛЬЦОВ. Если бы не они, я не справилась бы. Трудно представить, как мы выжили в конце 2007 года, в 2008-м и в 2009-м... Но выжили же! И в 2010 году впервые получили краевую субсидию. Благодаря этим средствам мы выходим в хорошем полиграфическом качестве.

— Есть ли у «Дня и ночи» конкуренты?

— Да что вы! Мы все друзья, у всех литературных журналов ничтожные тиражи — это в 80-х годах «толстые» периодические издания выходили миллионными тиражами. Сейчас 2000 экземпляров — это уже много. Какие мы конкуренты? Напротив, держимся за руки, помогаем друг другу.

В крае, кроме «ДиН», выходит альманах «Енисей» — дважды в год. В сущности, его делают те же люди. Главный редактор Михаил ТАРКОВСКИЙ держит уровень альманаха, несмотря на сложные экономические условия. Есть также «Новый Енисейский литератор», им руководит Сергей КУЗИЧКИН. Я бы сказала, что это издание другого эшелона, критерии отбора произведений там, может быть, менее жёсткие.

Вот, пожалуй, и всё в крае: «День и ночь», который помимо прочего выводит красноярских писателей на международный уровень, «Енисей», сосредоточенный на краеведческой, сибирской тематике, и «Новый Енисейский литератор», принимающий всё остальное. Три литературные инстанции, закрывающие потребность

края в подобного рода деятельности.

— Вы говорили, что кроме проблемы денег в руководстве журналом есть проблема людей. Что имеется в виду?

— Это взаимосвязанные проблемы. Очень сложно найти тех, кто мог бы за совершенно ничтожное вознаграждение вкладываться в организационные процессы. Но что касается наполнения журнала, тут проблем особых нет, рукописей, повторюсь, приходит очень много.

— Вам часто приходится отказывать авторам?

— Да. Но «ДиН» занимает такую нишу, что откровенные графоманы к нам уже не стучатся. Мы работаем в основном с тем, что нам предлагает редколлегия, а это уже серьёзный отбор.

С другой стороны, есть ещё такая отличная штука, как социальные сети. Когда в Фейсбуке, ВКонтакте мне попадает что-то любопытное, я сама обращаюсь к авторам с просьбой прислать рукопись. Так мы нашли целый ряд интересных писателей.

— Что на этот раз стало для вас в «Дне и ночи» открытием года?

— Сильнейший роман «Я — русский» Дмитрия ФИЛИПОВА. Это очень глубокая рефлексия того, что мы пережили в 90-е, попытка осмыслить процессы, которые привели к сегодняшним социальным проблемам, особенно проблемам национального самосознания. Роман уже вышел отдельной книгой и вошёл в лонглист премии «Национальный бестселлер». Замечательное открытие года — молодая осетинская писательница Дзержиса БИАЗАРТИ, совершенно бесплодная, на мой взгляд, возрождающая традиции советской кавказской литературы.

В последнем номере этого года выйдет удивительная повесть грузинского писателя Баадур ЧХАТАРАШВИЛИ «Привет, птица» — как раз из разряда оптимистической постапокалиптики. Очень рекомендую!

Благодаря тому, что в «ДиН» в нынешнем году была напечатана повесть «Приключения Славки Щукина», обладателем нескольких премий стал Евгений МАМОНТОВ. Кстати, наши авторы, может, и не всегда получают на конкурсах места с большими денежными призами (я хорошо понимаю, как устроен премиальный процесс, в котором деньги распределяются заранее), но почти без исключений попадают в шорт-листы. Это говорит о многом.

— На следующий год у журнала уже есть планы?

— До июня все номера уже распланы.

— Марина Олеговна, удаётся ли вам при таком погружении в работу заниматься собственным творчеством?

— Время для этого нахожу с большим трудом, но всё-таки стараюсь оставаться в строю. В следующем году у меня юбилей. Готовлю к нему сборник стихов «По великим снегам». Думаю, он выйдет из печати до конца года. Собираюсь издать книгу публицистики «Мосты над облаками». Работаю над прозой. Что-то успеваю, что-то откладываю. Много перевожу в последнее время с осетинского, аварского языков — с подстрочников, потому что, к сожалению, не владею этими языками в достаточной степени. Изучаю их, разговаривая со своими замечательными друзьями на Кавказе. Вообще, Кавказ — совершенно отдельная тема моей жизни.

— А на чтение хватает времени?

— В основном читаю то, что приходит на мою почту. Но не только. Вот, например, лежит у меня книга «Хроники Киловой Горки». Написала её москвичка Наталья СЛЮСАРЕВА, переводчица с итальянского языка, знаток итальянской культуры. Но книга не об Италии, а о Крыме, Коктебеле — том особом пространстве, где всегда встречались писатели, художники, люди артистических профессий.

Вообще, я очень люблю авторов «Дня и ночи», читаю с огромным удовольствием каждый номер от корки до корки. Можно сказать, здесь всё проходит через мои глаза и пальцы. На остальное почти не хватает времени. Хотя если проводить грань между ТОЛСТЫМ и ДОСТОЕВСКИМ, то Толстого люблю больше. А тютчевско-блоковская ветвь поэзии мне ближе, чем БРОДСКИЙ и всё, что за ним тянется.

Очень люблю Николая ЗАБОЛОЦКОГО, вообще поэтов 50—60-х годов: СЕЛЬВИНСКОГО, ЛУГОВСКОГО, АНТОКОЛЬСКОГО, СМЕЛЯКОВА, Леонида МАРТЫНОВА. К сожалению, сейчас они в тени, но ведь именно они составляли ткань нашей литературы середины прошлого века.

В этом году исполнилось 100 лет со дня рождения Константина СИМОНОВА, и где это отражено? А он потрясающий поэт. Те, кого я назвала, считались поэтами второго ряда. Но то, что — в массе своей — пишется сейчас, по сравнению с тем, что создавали они, кажется такой мелочью и пустяком.

С другой стороны, я думаю, что эпоха, в которую мы вошли, уже таит в себе грандиозные поэтические величины. Просто мы этого ещё не осознали, боимся назвать их имена.

— А из современных авторов кого читаете?

— Читаю всё, что издаёт Захар ПРИЛЕПИН. Последнее время внимательно слежу за новыми работами Алексея ВАРЛАМОВА, Олеси НИКОЛАЕВОЙ. Очень интересны молодые московские поэты Александр ОРЛОВ, Сергей АРУТЮНОВ, Максим ЛАВРЕНТЬЕВ. Михаил Тарковский, живущий на севере нашего края, в Бахте, очень яркий поэт и прозаик. Отмечу осетинского писателя и учёного, доктора филологических наук Ирлана ХУГАЕВА — о нём мы наверняка ещё услышим. А вообще «Дню и ночи» всего хватает: и прозы, и стихов, и публицистики. И чем дальше, тем всё более яркими и интересными становятся рукописи.

Татьяна АЛЁШИНА

ДОСЬЕ

Марина Саввиных. Родилась в Красноярске. С отличием закончила Красноярский педагогический институт (ныне — университет им. В.П. Астафьева). Стихи, проза, публицистика печатались во многих российских и зарубежных изданиях. Музыкальные произведения на стихи М. Саввиных создали композиторы О. Проститов, Э. Маркаиш, В. Пономарёв, М. Раткевич. Лауреат Фонда Астафьева (1994), газеты «Поэтоград» (2010) и журнала «Дети Ра» (2011). Член Президиума Международного Союза писателей XXI века. Заслуженный работник культуры Красноярского края.

Скинуть туфли — и босиком

Профессор Борис ЕГОРОВ, выдающийся литературовед и культуролог, доктор филологических наук, главный научный сотрудник-консультант Санкт-Петербургского института истории РАН, прочёл в СФУ ряд лекций, посвящённых малоизвестным советским поэтам, а также принял участие в международном научном семинаре «Русский традиционализм: история, идеология, поэтика, литературная рефлексия». С другом и соратником Юрия ЛОТМАНА, передавшим ему кафедру русского языка в знаменитом Тартуском университете, и коллегой Дмитрием ЛИХАЧЁВА мы поговорили о кризисе в российской филологии, декабристах в роли предшественников Сталина и о том, почему ГОРЬКИЙ не получил Нобелевскую премию по литературе.

— Борис Фёдорович, сразу же вопрос в лоб: выпускники филфаков в современной России — это полезные или бесполезные люди, как считаете?

— Если посмотреть на опыт мировой культуры, то можно заметить, что очень много областей далеко не сразу и не всегда востребованы. Это ведь и в точных науках такое было. Мы прекрасно знаем, что перед Великой Отечественной войной закрывали исследования по ядерной физике под предлогом того, что это стране не нужно. А жизнь показывает, что на каких-то этапах оказывается всё нужно.

Знаем ли мы, как будет развиваться наша культура завтра? В двадцать втором веке? Поэтому я за то, чтобы все исторически сложившиеся специальности существовали.

Увы, сейчас филология действительно не очень востребована. Страшная вещь: что делать людям, которые оканчивают филфаки? Но здесь могут быть самые невероятные варианты. Есть такой известный эстонский писатель Рейн Рауд, сейчас — ректор Таллинского университета, а заканчивал восточный факультет университета нашего, ленинградского. И что вы думаете — устроил в Таллине японистику! Причём какую-то фантастическую, с приглашением зарубежных профессоров, со стажировками в Японии. И конкурс у них там — как в какой-то театральный институт: 20 человек на место! Я, когда узнал об этом, спросил его: скажи честно, что вы потом делаете с этими ребятами? Он отвечал: не беспокойтесь, разбирают уже с третьего курса. Оказывается, требуются такие специалисты в туристической отрасли, в коммерции. А кто бы такое мог ожидать, в маленькой-то Эстонии? То же самое и филология. Но это надо учитывать и студентам честно говорить — вот сейчас филология переживает трудное время, и не так много вы найдёте работы непосредственно по своей специальности.

— А академический дефицит в этой области тоже чувствуется? Каково нынешнее состояние филологической науки?

— Да, дефицит крупных фигур имеется, особенно по сравнению с событиями полувекковой давности. Но, наверное, как раз потому, что жизнь требует другого. Знаете, когда идут мощные войны, будто бы специально рождаются великие полководцы, буквально десятками. Так и здесь. После Великой Отечественной войны всплеск гуманитарной культуры дал и всплеск филологической науки в Петербурге, в Москве, в провинции — сколько у нас оказалось гнёзд, начиная с Саратова и Воронежа! А сейчас филология в таком захирении, потому что у жизни совершенно не гуманитарный дух. Но нам явно не хватает больших учёных, которые были бы светочами, вокруг теорий которых были бы споры, были бы от-

талкивания, даже конфликты. Когда Юрий Михайлович Лотман развивал своё оригинальное учение о семиотике, какая была полемика! Это сейчас оно разошлось по всему миру, и мы уже не можем без знаковых систем существовать — и лингвисты, и литературоведы. А тогда было горячо и заметно. Теперь же КАРАБЧИЕВСКИЙ что-то о МАЯКОВСКОМ напишет (имеется в виду литературный критик Юрий Карабчиевский, в 1983 году он написал эссе «Воскресение Маяковского», в котором остро и парадоксально подошёл к творчеству известного поэта. — Е.М.) — но не становится это

темой для всей страны. Потому что нет таких личностей, которые могли бы крупные темы поставить. Хотя, может быть, доживём до того, когда и в Красноярске будет знаменитый центр филологической науки, и сюда будут приезжать учиться.

— Казалось бы, странное дело! Вот вы рассказывали, что, когда пришли в литературоведение, то мечтали изучать советскую литературу, но доступа к ней не было, и пришлось до поры до времени заниматься Серебряным веком. А сейчас же — бери что только хочешь: классику, современную литературу...

— Да, слава богу, очень много появилось открытых архивов, так что только изучать и изучать и какие-то новые имена открывать. У нас советский период по-настоящему не изучен — очень много тёмных мест. А ведь теперь можно вскрывать его во всей сложности и трагичности. Напротив, исследованность девятнадцатого века и Серебряного как раз охлаждает интерес к ним — много сказано уже. А вот современную литературу, к своему стыду, я знаю плохо, благодаря тому, что последнее десятилетие очень много кончал старых заделов, которые у меня были по классической литературе. Сидел в славянофилах, поэтах и критиках «чистого искусства» девятнадцато-

го века, выдавал в разных формах: и «Литературные памятники», и «Библиотека поэтов» (знаменитые книжные серии, Егоров является бессменным ответственным редактором «Литературных памятников» с 1971 года. — Е.М.). Застряв на выполнении этих запущенных, недоделанных тем, я очень отстал. Где-то лет пять тому назад стал приобщаться к современной литературе. А она громадная! И нужно хотя бы магистральную линию знать.

— Однако иногда так затейливо пересекаются современная и та, прошлая, литературы... Взять хотя бы Нобелевскую премию, которую недавно вручили белорусской писательнице Светлане АЛЕКСИЕВИЧ с формулировкой «за её многоголосное творчество — памятник страданию и мужеству в наше время». Начались бурные дебаты, а литературный контекст никто не обсуждал: только политическую и социальную подоплёку.

— К сожалению, здесь действительно очень много политического. Конечно, Алексиевич премию дали не за её великую литературную славу, а за современные политические убеждения.

— А Борису ПАСТЕРНАКУ?

— Тоже не без этого. Но, понимаете, у Пастернака и у БРОДСКОГО большие таланты. Всё-таки это крупные писатели и поэты, которые были достойны высокой награды. Я даже считаю, что и СОЛЖЕНИЦЫН был достоин, хотя как творческая личность, литературная он, по-моему, ниже Пастернака. Но всё-таки первый его рассказ, «Один день Ивана Денисовича», велик по-настоящему — волной такой необычайной втянул его в круг первых писателей, которые заслуживают признания. Однако я склонен думать, что в других условиях, не политических, не получил бы Солженицын эту премию. Вот Максиму Горькому премию по этим же соображениям не дали, хотя у нас о нём иногда говорили — не искусственно ли он делается среди великих, не переоценён ли?

— Интересно, а все ли авторы заслуживают внимания литературоведов? Может быть, кому-то следует быть забытым?

— Оно так естественно получается. Есть литературоведы, которые принципиально стоят: не буду великими заниматься, ими и без меня займётся, а нарочито возьму какого-нибудь третьестепенного! Я считаю — а почему нет? Вот есть такая многолетняя энциклопедия «Русские писатели — 1800-1917». Издаётся с 1989 года, пока вышло пять томов до бук-

вы С. Она принципиально даёт нам третий, четвёртый, пятый ряд. Если у человека всего две повестушки, то мы уже стараемся его туда включить. Накануне видел в вашей Краевой библиотеке энциклопедию писателей Красноярского края. Там тоже, наверное, не первые величины. Полезны такие вещи. Когда мы их будем лучше знать, на их фоне будут яснее видны и самые великие авторы.

— Какие функции у литературной критики сейчас? Изменились они по сравнению с тем, что было в советское время?

— Я думаю, что в современной литературной критике сильно много всего рядом стоящего — публицистика, психология, философия. И она сейчас у нас часто выходит за рамки художественного анализа. Зачатки этого были и раньше, в советский период тоже наблюдалась некоторая размытость. Но мне кажется, сейчас это важнее, потому что люди теперь имеют крайне мало времени, чтобы подробно изучать современную гуманитарную культуру. Может быть, критическая статья станет для кого-то толчком, чтобы задуматься над крупными вопросами, а не только касающимися непосредственно художественного творчества.

— Юрий Лотман как чрезвычайно многопрофильный человек мог бы добиться величия и на ниве литературной критики?

— Несомненно. У Лотмана, который, можно сказать, на моих глазах творил, интерес к литературной критике был. Но всё время были и оглядка на цензуру, и представление о том, что о данном произведении тебе не написать по-настоящему. Это оставалось, причём не только в области критики. Скажем, у Лотмана, как и у меня, в молодые годы было большое желание художественного творчества. Мы с ним задумывали два романа: один о декабристах, а второй — о шестидесятниках. Такое солагательное наклонение: написать роман о том, что было бы, если бы декабристы победили на Сенатской площади, как бы потом развивались события. Очень интересные идеи были у Лотмана в связи с ПЕСТЕЛЕМ: Пестель как диктатор, как маленький СТАЛИН, постепенно бы всех этих декабристов в бараний рог скрутил. И то же самое в шестидесятые годы. Ясное дело, что начинали бы ЧЕРНЫШЕВСКИЙ с ДОБРОЛЮБОВЫМ, а их бы потом отгеснил ПИСАРЕВ, а Писарева бы НЕЧАЕВ съел и, может быть, даже и расстрелял или повесил. Вот такая идея у нас была. Но мы думали — только в стол если. Не напечатается же такое. Помню, как мы сидели и сочиняли...

— Насколько комфортно было работать с двумя такими фигурами, как Лотман и Лихачёв? В большей степени с Дмитрием Сергеевичем Лихачёвым, конечно, который известен своим крутым характером.

— Конечно, с Лотманом как с относительным ровесником (он лишь на четыре года старше) было намного проще. Лихачёв — это, так сказать, отцы и дети, всё-таки у нас разница в двадцать лет. Кроме того... Вот, скажем, я был помощником Лихачёва по «Литературным памятникам», и там было целостное, гармоничное сотрудничество. С полуслова: он меня понимал, а я — его. А некоторые человеческие отношения не складывались, чего у меня с Лотманом никогда не было.

Вот наиболее колоритный пример. Защищается у Лихачёва аспи-

рантка-заочница, которая откуда-то из провинции и хочет остаться в Ленинграде. Лихачёв не может найти ей место в Пушкинском доме (Институт русской литературы Российской академии наук) и просит меня, а я тогда заведу кафедру в Герценовском институте: нельзя ли её как-нибудь устроить? Ладно, нашёл ей хорошую почасовую нагрузку по древней литературе, она пришла в наш коллектив — и, знаете, мы её не приняли. Оказалась очень двуличная дама, которая, видимо, Дмитрия Сергеевича прельстила своей лаской, совершенно повышенной хвалимостью, и она у него была в чести. А нам она оказалась чужая, я ей отказал через один семестр. Можете представить, как он на меня обиделся! Вот такие вещи были, хоть и немного.

— Вы говорили о литературных долгах, которые «отдавали» продолжительное время. Осталось ли у вас что-то ещё из недоделанного, и какие темы сейчас вам наиболее интересны в принципе?

— Главная тема — трагедийные поэты советского периода: Борис ЧИЧИБАВИН, Юрий КУЗНЕЦОВ, Александр КОЧЕТКОВ и так далее. А рядом с этим, может быть, буду заниматься более основательно такой вещью, как природность в литературе. Представление о том, что в мире существуют культура и природа в своих, так сказать, столкновениях и контрастах, сильно отражается в литературе и особенно в литературоведении, однако последнее старательно от природы уходит. Я предлагаю использовать в этом случае метафору этажей, будто бы мы поднимаемся в многоэтажное здание по ступенькам. Как обычная семиотика рассматривает наш естественный мир — это первая ступень. Наша знаковая система — это уже второй этаж над естественным миром. А, скажем, художественная литература, которая использует знаковую систему, в каком-то смысле третий этаж. Тогда литературоведение будет четвёртый этаж, теория литературы — пятый. А если сказать, что есть ещё теория теории литературы, то это уже шестизатжное здание.

И вот мы поднимаемся выше, выше, и про природу, конечно, забываем. А иногда так хочется спуститься, причём не на первый этаж, а выйти на песочек, на травку и, может быть, даже босиком. Есть замечатель-

ная песня у Валентина ГАВРИЛИНА о том, чтобы скинуть туфли — и босиком. Проблема природности и как в культуре может не быть природности, забыта и высушена, вот она меня интересует.

— Напоследок о причине вашего визита в Сибирский федеральный университет. Вы участвовали в семинаре по традиционализму. Последние три года традиционализм у всех на устах — политический, культурный, литературный. Но не навязана ли эта тема злободневной повесткой? Утрируя: кто сейчас читает писателей-деревенщиков? Или же традиция всё-таки прорывается изнутри нашей жизни?

— Думаю, что вполне можно ставить вопрос о том, что традиционализм сейчас не только актуален, но в некотором смысле даже неудобен. А что касается самой сути, то я всегда говорю — никогда не был сторонником схоластического спора, что раньше: курица или яйцо. Они появились одновременно. Точно так же у традиционализма всегда был и будет круговорот с векторным движением вперёд.

К нашим деревенщикам нужно относиться конкретно. Валентин РАСПУТИН изо всей этой когорты самый талантливый и выходящий за рамки этой группы. И уж Распутин всегда будет существовать. Некоторые — например АСТАФЬЕВ — некоторыми блёстками всё-таки сохраняются несомненно. А что касается традиционализма в смысле нашего прошлого, опоры на наши традиции национальные — то это естественно. Мне всегда был неприятен космополитизм, неважно какой он, когда у людей нет представления о Родине. А ведь это так же естественно, как любовь к родителям.

Я считаю, что надо говорить: жизнь сложна, и она соединяет самые разные стороны. В том числе если использовать геометрию, вектор с кругом. Есть стихотворение совершенно буквальное на этот счёт у Юрия Кузнецова. Колесо крутится и катится. А поэт бежит следом с палочкой и сует её внутрь него. То есть, он и за круговорот, и за движение одновременно. Мне кажется, это очень точный образ.

Евгений МЕЛЬНИКОВ

Комментарий

Наталья Владимовна КОВТУН, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации ИФЯК СФУ, инициатор проведения международного научного семинара по традиционализму:

— Семинар по традиционализму был призван определить место этого направления в современной русской литературе, очертить круг проблем, с ним связанный, раскрыть причины, которые сделали разговор о традиционализме актуальным. Проводился семинар при поддержке министерства культуры Красноярского края, общества «Знание» России, Ассоциации преподавателей русского языка и литературы высшей школы, Открытого международного научного сообщества «Русская словесность: духовно-культурные контексты», ведущих вузов и научных сообществ России и Европы.

Нам повезло, что приглашённые учёные не только выступили на семинаре, но прочитали несколько открытых лекций. В частности, Борис Фёдорович представил интереснейший спецкурс о трагических поэтах XX столетия. Первая лекция, посвящённая творчеству забытого поэта Анны БАРКОВОЙ, состоялась в книжном магазине «Бакен», затем несколько лекций прошли в нашей краевой библиотеке и, конечно, в СФУ. Причём нужно отдать должное студентам: они старались успеть всюду, лекции заканчивались интереснейшими дискуссиями, рассуждениями. Думаю, практика приглашения в СФУ ведущих специалистов-филологов должна продолжаться, это расширяет круг возможностей обучающихся, вводит в мировые исследовательские практики.

Филологи СФУ могут рассматривать как особую удачу и совместные проекты с Борисом Фёдоровичем. В 2011 году мы работали над большой темой, завершившейся монографией «Русский проект исправления мира и художественное творчество XIX-XX вв.». Книга вышла в Москве и вошла в число лидеров продаж (по версии «Литературной газеты»). Сейчас в издательстве «Флинта-Наука» выходит монография «Сибирская идентичность в зеркале литературного текста: тропы, топосы, жанровые формы XIX-XXI веков», авторами которой выступили многие наши сотрудники и аспиранты. Б.Ф. Егоров входит в редакционную коллегию издания. Наконец, сегодняшний форум будет иметь продолжение в монографии «Русский традиционализм: история, идеология, поэтика, литературная рефлексия», куда войдут лучшие работы, прочитанные на семинаре.

Бестселлер про науку

В книжных магазинах всё больше появляется книг об эволюции человека, «химии» любви, космосе, а писатели этих книг всё чаще занимаются популяризацией научных знаний, читая лекции и встречаясь со своими читателями. Что представлял из себя научпоп в России до 90-х и как он развивается сегодня? Сложно ли писать научно-популярные книги? Об этом на минувшей КРЯКК мы говорили с Асей КАЗАНЦЕВОЙ, научным журналистом, автором книги «Кто бы мог подумать! Как мозг заставляет нас делать глупости», которая в 2014 г. была удостоена премии «Просветитель».

— В последние годы появляется большой интерес к науке у самых обычных людей. Например, после выхода «Интерстеллара» люди стали повально интересоваться сингулярностью, читать про космос. Разделяете ли вы это ощущение? И с чем это может быть связано?

— Это началось задолго до фильма «Интерстеллар», скорее, наоборот, этот фильм стал ответом на «вброс» научных знаний в общество. Как биолог я могу сказать, что все живые существа реагируют не на модуль, а на градиент, всех живых существ интересуют не столько абсолютные числа, сколько ощущение того, в каком направлении эти абсолютные числа меняются. Амёбу не очень интересно, сколько сахара вокруг неё в капле воды, её интересует плыть на тот край воды, где сахара больше. То же самое с научной журналистикой. Действительно, есть ощущение, что её становится всё больше, интерес к науке всё сильнее, так что, безусловно, есть положительный градиент.

— В чём он проявляется?

— В 90-е годы популяризация науки в России практически вымерла, теплились отдельные бедные издания типа «Химия и жизнь», но и у них аудитория сократилась на порядки. С начала «нулевых» ситуация начала медленно улучшаться, и этот процесс становится лавинообразным: каждый человек, заинтересованный в науке, заинтересовывает в науке ещё трёх своих друзей. В огромной степени это заслуга Фонда «Династия», который с начала «нулевых» стал сознательно и целенаправленно возрождать научно-популярную журналистику в России, завёл сайт elementary.ru, который задал планку качества для научных новостей и пересказа профессиональными учёными и журналистами свежих научных публикаций из хороших журналов.

Фонд на свой страх и риск запустил книгоиздательскую программу и начал активно переводить научно-популярные книжки — в те времена, когда никто из издательств ещё не понимал, что вообще-то нужно переводить, что их будут читать. Но благодаря этой программе люди начали потихонечку читать научпоп. И если бы я давала вам интервью полгода или год назад, то я бы говорила о том, что с популяризацией науки у нас вообще всё великолепно. Сейчас я могу говорить об этом с оговорками (в июле 2015 года Фонд «Династия» принял решение о самоликвидации, — прим. автора).

Наука действительно меняет нашу жизнь, приносит нам множество великопных технологий, и люди начали осознавать, что об этих технологиях вообще-то хорошо бы знать — чтобы просто понимать, какие возможности у нас есть. Например, все говорят о ГМО, и популяризация науки нужна в том числе для того, чтобы объяснить, что это такое и почему этого бояться не надо.

— А массовая культура не упрощает научные знания?

— Безусловно. Но мне не кажется, что это так уж плохо, потому что массовая культура выводит ту или иную проблематику в зону общественного внимания, после чего общество становится более восприимчиво к научным популяризациям. Вокруг научно-популярных фильмов, будь то «Интерстеллар» или «Марсианин», проводится много мероприятий, на которых физики, астрономы объясняют, что в этом фильме научно обосновано, а что нет.

Кроме классической популяризации науки (рассказать людям, как всё устроено) есть задача создать эмоциональное ощущение, что наука — это хорошо, что она улучшает жизнь.

— У нас в стране тесное сообщество научных журналистов? Оно может действовать как единая сила? Или в целом всё разрозненно?

— Сообщество профессиональных журналистов в значительной степени консолидировано. Но другой вопрос, что кроме условно 50-ти человек, которые друг друга знают и пишут достаточно профессионально, есть огромное количество людей, которые пишут что-то про науку (например, про медицину), зачастую делают это низкокачественно, но при этом тоже считают себя научными журналистами.

Популяризаторы науки — это очень широкий спектр. Есть люди, которые получили естественно-научное образование и профессионально занимаются популяризацией науки 24 часа в сутки. Есть учёные, у которых основная деятельность — научная, но при этом время от времени они читают публичные лекции, иногда даже пишут книжки, что особенно здорово. А есть непрофессиональные научные журналисты, люди без профильного образования, без серьёзного опыта работы, которые тоже пытаются писать про науку в связи с тем, что на это есть спрос, и создают, как правило, менее качественный контент. Но в общем и целом, если этот контент не содержит чудовищно грубых ошибок, то это, скорее, тоже хорошо, потому что в целом научное сообщество не конкурентно. Мы всегда приветствуем коллег, не считаем, что мы друг у друга отнимаем кусок хлеба, потому что нас просто очень мало. К примеру, в западном обществе более сильная традиция научной журналистики.

Мы не конкурируем за аудиторию, потому что весь смысл нашей деятельности в том, чтобы эту аудиторию расширять. Когда мы говорим, что научпоп в России развивается, с точки зрения градиента — да, он развивается, дела обстоят лучше, чем было 5-10 лет назад. Но если мы смотрим на абсолютные цифры, то всё намного более мрачно. Есть, например, сильный бестселлер «Эволюция человека» Александра МАРКОВА или моя книжка «Кто бы мог подумать!...» Тиражи у нас порядка 30 тысяч, это считается много для российского научпопа. Но понятно, что 30 тысяч плюс 100 скачанных в Интернете — это почти ни о чём, если сравнить с населением России.

(Окончание на стр. 23)

Преображенские полки Захара Прилепина

Яркая индивидуальность, твёрдая и ясная жизненная позиция, нашедшая отклик в уставших от бесконечного нытья, лицемерия и откровенного вранья душах, в считанные годы сделали Захара ПРИЛЕПИНА известнейшим писателем в России. Да и за её пределами тоже. Побеседовать с ним удалось в начале декабря, когда он вновь посетил Красноярск.

— Захар, начало вашего самостоятельного жизненного пути многим может показаться странным. С одной стороны — Чечня, служба в ОМОНе, а с другой — филологический факультет.

— А мне странным кажется убежденность, что с людьми, склонными к филологии, ничего подобного произойти не может. Но у меня оба деда воевали. Да и среди родственников были военные. А потому эта сфера мне всегда была близка и понятна. Так что воспитание было вполне милитаристское. Да и книжки я читал соответствующие. А потому ломать себя не пришлось — пошёл в ОМОН и довольно нормально себя там чувствовал.

А литературой увлёкся ещё в детстве. Когда мне было лет десять, наша семья переехала из деревни в город. Не знаю, может, смена ландшафта так подействовала, но однажды я взял томик ЕСЕНИНА и стал читать. И уже годам к тринадцати совершенно свихнулся на русской поэзии. Сверстники мои об этом, конечно, не догадывались, а потому собеседников у меня не было. Моя сестра двоюродная и мой отец — вот и всё. Оба они поэзию знали и любили.

Отец купил мне печатную машинку, и я стал собирать антологии символистов, футуристов, ну и так далее. И, конечно, как всякий подросток стал сам понемногу писать стихи. В пятнадцать-шестнадцать вся эта забава закончилась. Но какая-то баццлла, как оказалось, всё же во мне засела, закрепилась. В результате в 2003-м начал писать свой первый роман «Патологии». У нас с женой тогда родился ребёнок, и я подумал: сына родил, дерево посадил, ну вот ещё книжку напишу. Первую и последнюю.

Писал я долго. Никуда не торопился. Сначала показал книгу жене, и она сказала, что всё отлично. А её мнению я доверяю. В 2004 году, когда мне было тридцать, книга вышла. И началась вся эта история.

— Сегодня ваши книги переводятся на 22 языка. Неужели и публицистику переводят? Например, книгу «Не чужая смута»?

— Публицистику не переводят никогда. Все эти европейские свободы не предполагают такой точки зрения. Мой немецкий литературный агент мне сразу заявил, что этим он заниматься не будет. И в то же время они активно переводят публицистику украинских авторов, которые пишут про ужасную российскую военщину.

Правда, в двух странах всё же и публицистику переводят: в Сербии и Франции. В Сербии в журналах и газетах есть вся моя публицистика. Надо сказать, там публикуют всё, что я пишу. Вообще, Сербия единственная страна, где, выступая в большом

зале, можно заявить: «Россия великая. Она всех победит». И народ встанет и будет аплодировать.

А во Франции мою публицистику переводят независимые издательства. Там в определённой части общества довольно сильна русофилия и очень силен антиамериканизм. Надо сказать, что во Франции переводят все мои художественные книги. В других странах, как правило, издают только роман «Санька». Это каким-то образом ложится на их представление, что Россия тяжёлая, бунтовская страна, хотя в романе и не об этом. Но они так его читают, так видят.

— А насколько точно переводят? Может, «видение» на стадии перевода подправляется?

— Нет, не думаю. Например, французская переводчица — очень профессиональная. И въедливая — всё помнит. Если в последующих изданиях я какие-то детали изменял, она сразу указывала, что этой фразы раньше не было. Помню, в переводе романа «Патологии» я обнаружил слова «джип» и «сардины» и сказал ей, что никаких джипов и сардин у меня там не было. «Дело в том, — отвечает, — что твои омововцы разъезжают по Грозному на каком-то «козелке» и едят какую-то кильку. А во французском никаких козелков и килек нет». — «Да, — опять говорю я, — но в девяностые у нас на джипах разъезжали только бандиты. Да и сардины... Кильки-то были просто счастьем». — «О кильках не беспокойся, — отвечает. — Здесь всё нормально. У нас сардины едят бомжи». Так что в каких-то деталях разлад неизбежен, но компромисс найти можно.

«Обитель» тоже сейчас будут переводить. Стран десять уже купили. Но и этот роман вполне соответствует их представлениям.

— Недавно у вас в серии ЖЗЛ вышла книга «Непохожие поэты». Её герои Анатолий МАРИЕНГОФ, Борис КОРНИЛОВ и Владимир ЛУГОВСКОЙ. Чем объясняется ваше стремление поднять из небытия имена писателей и поэтов, которые ни о чём не говорят современному читателю? Как-то это странно для такого молодого и здорового человека, тем более, когда он сам активно пишет и, скорее, писатель, публицист и журналист, чем литературовед.

— Начну с того, что я здесь не одинок. Этим занимается Серёжа ШАРГУНОВ, Миша ЕЛИЗАРОВ, который обожает Аркадия ГАЙДАРА, этим занимаются мои питерские товарищи Паша КРУСАНОВ и Вадим ЛЕВЕНТАЛЬ с их «Советской Атлантидой». И много ещё кто. Нет, это не мне одному пришло в голову.

Все мы, кто интуитивно, кто вполне рационально, понимаем, что невозможно существовать в безвоздушном пространстве. Вот и пытаемся силовые линии протянуть от нынешней литературы к литературе советской, а от советской к Золотому веку.

Надо сказать, что ещё масштабнее меня в этом направлении работает Дима БЫКОВ, который тоже свои силовые линии протягивает, свои ЖЗЛки пишет. И старается как-то приватизировать ту часть литературы, которая, как он считает, по праву принадлежит их либеральному лагерю.

Так что эта работа обязательная. Мы не можем явиться ниоткуда, сами по себе — посмотрите, какие мы красивые.

— Признаться, наше поколение, выросшее в СССР, по этому поводу особо не убивалось. Правда, и безвоздушного пространства мы как-то не ощущали.

— Думаю, это потому, что у вашего поколения не было такого кромешного разрыва с тем, что было за двадцать-тридцать лет до вас. А для нас эти связи обрубали в 1991 году. Нам было сказано: всё, на чём вы были воспитаны, мы отменяем. Вот просто берём и отменяем. И теперь у нас всё будет по-другому, и воспитываться вы будете на книжках «Москва-Петушки» и «Архипелаг ГУЛАГ».

Хорошо, я согласен, что должен это прочитать. Но воспитываться на этом я не хочу. Есть другие вещи. Я их прочитал и хочу о них своему поколению рассказать. И тем, кто идут за нами, тоже. Вот как-то так можно ответить на этот вопрос.

— Вы и в Золотой век русской литературы собираетесь окунуться. Хотя её авторов, вроде, никто не отменял. Правда, на них навели такой глянец, что уже и людей не разглядеть.

— Особенно с декабристами перестарались. Эти молодые генералы из стихов ЦВЕТАЕВОЙ просто сияют. Нет, они были ещё те ребята. И мало чем отличались от нынешних нацболов и прочих хулиганов. Они такие же, как мы. Всё то же самое — дурацкие выходы, кутежи, девицы, дуэли. Дури всякой и там хватало. Так что их надо немножко очеловечить.

А началось всё с событий на Украине. Чтобы успокоить душу, взялся перечитывать русскую классику, русскую поэзию. И вдруг понял, что всё это намного актуальней, чем многие новости. Конечно, старая манера подачи, старые слова... Но эти вещи, они как в театре... Вот у БУЛГАКОВА есть описание, как он работал над первой пьесой. Сначала появилась одна коробочка, потом другая коробочка. И там какие-то люди зашевелились, начали оживать. Я читаю биографию Дениса ДАВЫДОВА, дневники Петра ВЯЗЕМСКОГО и просто их вижу. Понимаю, какая у них была жестикуляция, какая мимика. Вижу, как они разочаровывались, в какие благоглупости впадали, в какой героический экстаз.

И я решил всем этим поделиться. Мы ведь мало что про них понимаем. Этот свод стоит за нашими спинами, и все тычут в него пальцем. На него может СВЕНИДЗЕ сослаться и любой другой для подтверждения своей правоты. А потому я чисто просветительски обязан эту тему взломать. Чтобы не смели всякий раз на них кивать. Они никак не могут служить залогом их правоты.

— Да, ссылаются на классиков часто. Одна моя знакомая на своей странице в Фейсбуке выста-

вила статью ТОЛСТОГО о мире и патриотизме, где автор горячо доказывал, что патриотизм — это зло и должен быть уничтожен.

— У Толстого в его девяносто томах есть такое количество высказываний, что там любой может найти для себя что-то вдохновляющее — и патриот, и либерал, да и любой фрик. То, что им нравится, они аккуратненько вырезают ножницами и не вспоминают, что Лев Николаевич плакал, когда наши сдали Порт-Артур. Он тогда написал в дневнике, что ему больно и стыдно. И ещё припомнил, что в его время было позором сдавать крепость, имея такие ресурсы.

Вообще, у Толстого есть любопытные вещи. Например, прочитав историю России Сергея СОЛОВЬЁВА, он с раздражением писал, что автор только и делает, что описывает воровство, грабежи и всяческий беспредел.

И совершенно непонятно, кто же тогда создал эту великую империю. То есть он прямо как нынешний патриот-ватник в этом случае рассуждал. Думаю, если бы ему кто-то преподнёс историю так, как её сейчас преподносит иной «историк», он бы его палкой прибил. А услышав, как унижают патриотизм российский, возвышая при этом украинский, он бы сказал такое, что ваша либеральная подруга его бы навсегда из фейсбука вычеркнула.

— Захар, мне от ваших коллег-писателей приходилось слышать, что трудно совмещать публицистику и художественную прозу. А вы, насколько я понимаю, особых трудностей в этом не испытываете.

— А я ещё и колонки в глянце-вые журналы пишу, и военные корреспонденции. Всё нормально. Для меня это одна и та же работа. Хотя, как-то прочитал у Татьяны Никитичны ТОЛСТОЙ, что она старается не писать публицистики. Говорит, что ей свыше дали какое-то определённое количество дара, и она боится, что он у неё закончится. И я тут задумался: ну если даже Толстая переживает, что закончится...

Иногда какие-то вещи находишь, когда ничёмную колонку пишешь, чтобы лишний рубль заработать, и думаешь: вот это в прозу надо оставить — хорошо придумалось. А потом: да, ладно, плевать, потом ещё придумаю.

Но, конечно, надо помнить, что эти вещи иногда заканчиваются. Это не навсегда. Источники-то открыты настужь. Это вижу и по знакомым музыкантам, и по художникам. Вот вроде тебе дано, а потом вдруг тебя словно из розетки отключили. Но я стараюсь про это не думать. Пишу, конечно, много, но не могу сказать, что переживаю, что всё может закончиться.

Да и совсем это не обязательно. Вот Фёдору Михайловичу не мешало же написание дневника. А Толстой и вовсе писал всё подряд. И ПУШКИНУ не мешало публицистика. Люди работали и думали, что Господь за ними присмотрит.

— К тому же за публицистику нынче и Нобелевские премии выдают. Теперь кто и не слышал о Светлане АЛЕКСИЕВИЧ — прочитают.

— Не уверен. По крайней мере, у нас. Каким-то странным, совершенно аномальным образом Нобелевская премия не вывела её в список десяти самых покупаемых авторов в России. У неё семнадцатое место. Так что с ней познакомится лишь малая часть российских читателей. Почему? Видимо, у людей уже выработался иммунитет. Это в девяностые можно было долго держаться на теме «так больше жить нельзя».

А вообще, я большой беды не вижу в некой тенденциозности Алексиевич. Да, она последовательно собирает свидетельства военных конфликтов, и в этом есть определённая нацеленность, которая, на мой взгляд, имеет некую ангажированность. Безусловно, она работает на западную аудиторию, для которой это очень важно. Советский, российский милитаризм для них точно плохой и совершенно неприемлем. А вот если они куда-то полетели бомбить, то это нормально. Это гуманно и демократично.

Ну, а в целом, Алексиевич — качественный журналист. Это очень большая работа — собрать всех этих людей, взять интервью, причесать, в правильной последовательности всё расставить и создать определённый эффект, трогаящий за сердце. На всё это требуется большое умение.

— Вы сказали, что интереса к Алексиевич особого нет. Но ведь в 2014 году, когда вы получили премию «Большая книга» за роман «Обитель», она получила приз читательских симпатий за книгу «Время секонд хэнд». Правда, второе место читатели отдали опять же вашей «Обители».

— Это была очень сложная многоходовка. Все тогда понимали, что «Большую книгу» я получу неизбежно. Но при этом часть нашего литературного истеблишмента меня на дух не переносит. И люди, имеющие отношение к премии, отдавали себе отчёт в том, что если я получу ещё и приз читательских симпатий, то случится большой скандал. А потому были предприняты определённые усилия, и на «читательских симпатиях» меня немного отодвинули.

— А вообще, Захар, как вас в целом в литературном сообществе воспринимают? В опасных радикалах числитесь?

— К общему знаменателю подвести сложно. У меня, конечно, есть свой круг друзей и единомышленни-

ков, но в целом литературное сообщество относится ко мне мрачно. И патриоты, и либералы. Первые, условно говоря, привыкли считать, и счастья нам не будет никогда. А тут какой-то парень из рязанской деревни предлагает другие версии.

А у либералов своя точка зрения. Что-то вроде «мы тебя начали публиковать, дали тебе зелёный свет, а ты с нами так поступаешь. Ну, мы тебя тогда проклинаяем». Так что в целом меня не принимают ни те, ни другие. Но мне нет никакого дела до их устоявшихся лагерей и табели о рангах. У меня свои Преображенские полки, и их армия для меня не существует. Да я вообще с ними не воюю.

А если говорить о радикализме, то в чём он, мой радикализм? В том, что я не смотрю на регалии и по любому персонажу могу сказать всё, что считаю нужным? И при этом не оглядываюсь, не рассуждаю, выгодно мне это, или нет. Кстати, некоторых именно это больше всего и удивляет. И почему-то им думается, что за мной кто-то стоит.

То я родня СУРКОВУ, то от Рублёвки до Кремля ездю на правительственной машине с мигалкой. А на самом деле я ездю на метро в компании подвыпивших друзей. И со своей огромной походной сумкой.

Да и все мои позавчерашние высказывания по поводу русского патриотизма и по поводу «крымнаш» давно стали повесткой дня, и за радикальные их никто уже не держит. Да и вообще ничего более радикального, чем наши уважаемые классики, я не произношу. Кстати, им бы сейчас вообще выдали по полной.

Если бы ДОСТОЕВСКИЙ выставил в Фейсбуке свои дневники, его бы тут же порезали на мелкие кусочки. А сколько у Александра Сергеевича и Льва Николаевича цитат неополиткоректных? А у ЛЕСКОВА? А у ЧЕХОВА? Что Антон Павлович про тот же украинский характер писал? Это же кошмар просто! Мне бы и в голову такое не пришло.

— Захар, говоря прямо, вы в этой жизни очень преуспели. Но к успеху вы шли совсем не так, как рекомендуют многочисленные специалисты по успеху, что публикуются в глянцевах журналах и разъезжают по России с публичными лекциями. Возможно, у вас есть свои рецепты для тех, кто озадачился вопросом «делать жизнь с кого?»

— Ну что здесь сказать? Только то, что если хочешь участвовать в вертикальной мобильности, учись хорошо, знай вещи, связанные не только со своим предметом, но и параллельные и даже перпендикулярные. Ни связи,

ни конформизм не помогут. Пассионарность, настойчивость и нормальный мыслительный аппарат — вот эти вещи работают на продвижение, на успех. Вертикальная мобильность не из привычки маршировать и вставать по свистку складывается, а из твоей собственной высокой внутренней свободы. Свободы, которая имеет очень мало общего с той, какую сегодня Ксения Анатольевна СОБЧАК навязывает молодым.

Вот сейчас любят повторять фразу: «Я никому ничего не должен». Меня просто лихорадит начинает, когда я такое слышу. На этой земле люди жили тысячи лет. Воевали, осваивали новые земли, возводили города, заводы. Землю всю эту собой пропитали. И вот вдруг является тот, который никому ничего не должен. Он, видите ли, будет заниматься самосовершенствованием. Хорошо, занимайся. Вот только кому ты будешь интересен? Это я о свободе.

В отличие от тех, кто никому ничего не должен, Захар Прилепин интересен всем. И интересен именно потому, что без каких либо усилий способен совмещать чувство долга и эту самую личную свободу, которую все так жаждают иметь, часто совершенно не понимая, а что же им, собственно, с ней делать.

Галина ДМИТРИЕВА

ТЕМА ДНЯ

Читайте в электронной версии

Дом для искусства

Площадь Мира в Красноярске без преувеличения можно назвать центром культурной жизни города. Здесь и залы филармонии, и Красноярский музейный центр. Здесь и Дом искусств, где, как говорится на его сайте, можно «отдохнуть от повседневности», посетив самые разнообразные мероприятия. О том, какие мероприятия проходят с участием писателей — красноярских и российских, интервью с директором Дома искусств Татьяной ШНАР.

Именинный каравай, или Писатель в Год литературы

Ещё один наш нынешний собеседник — писатель, поэт и публицист Алексей МЕЩЕРЯКОВ, председатель правления ещё одной организации — Красноярского регионального отделения Союза писателей России. Задавать вопросы Мещерякову непросто — уж очень стремительный он человек. Ты ещё только собираешься с мыслями, спрашивая, а он тебе уже отвечает. Но журналист Галина ДМИТРИЕВА перед трудностями отступать не привыкла.

Поэт — это судьба

досье

Дарья ВЕРЯСОВА. Родилась на Крайнем Севере. В раннем возрасте начала писать стихи, а после переезда семьи в Абакан также занялась прозой. Училась в Красноярском государственном университете на социально-правовом факультете и на факультете филологии и журналистики. Работала корреспондентом в «Сибирском агентстве новостей».

Первые публикации — в журнале «День и ночь» и газете Красноярского госуниверситета «Университетская жизнь», в альманахе «Новый Енисейский литератор», на литературном интернет-сайте «Точка зрения». В дальнейшем публиковала стихи и прозу в журналах «Октябрь», «Волга», «Радуга», альманахах «Пятью пять» и «Илья».

В 2012 году принимала участие в ликвидации последствий наводнения в Крымске, в результате чего написала документальную повесть «Муляка», опубликованную в журнале «Волга» в том же году. Вторая повесть «Похмелье» опубликована в журнале «День и ночь» в 2014 году.

Кроме того, занимается драматургией. В 2013 году с пьесой «Последняя любовь Деда Мороза» вошла в шорт-лист Международного конкурса драматургов «Евразия» и в лонг-лист премии «Дебют», в 2014 году с пьесой «Тушь, варенье, птеродактиль» вошла в шорт-лист VII Международного конкурса современной драматургии «Свободный театр» и шорт-лист драматургического «Конкурса конкурсов» в рамках премии «Золотая маска». Спектакли по этим пьесам поставлены во многих городах России, в том числе в Красноярске.

В 2014 году окончила Литературный институт им. А.М. Горького (семинар Олеси НИКОЛАЕВОЙ).

По результатам премии «Новый звук» издательства «Русский Гулливер» в 2015 году была издана книга стихов «Крапива».

Сейчас работает заведующей литературно-драматической частью РРДТ им. М.Ю. Лермонтова в Абакане.

Всё началось с университета. Мне было семнадцать лет, и настала пора поступать в вуз. Я приехала на гору, в главный корпус КГУ, и угодила в обеденный перерыв. Повернулась и пошла гулять. За корпусом росли сосны: высокие, рыжие, а между ними бродил такой сочный запах хвойного лета и весёлой свободной жизни, что больше никуда подавать документы я не стала. Потому что нигде в другом месте учиться бы не смогла.

Но вышло так, что учиться всё же пришлось в другом месте: в корпусе на Маерчака, и я находила уйму предлогов, чтобы чаще бывать на горе. Занялась театральной самодеятельностью, ходила на встречи бард-клуба. А одним прекрасным днём я отправилась на поиски редакции университетской газеты, пребывая в святой уверенности, что стихи, которые я к тому времени активно писала, необходимы миру.

Дверь редакции была настолько тяжёлой и железной, что за ней мог находиться бункер. Открывалась она с рычанием и вибрацией, чем окончательно повергла меня в панику. Но внутри обнаружилась светлая продолговатая комната с решёткой на окнах и двумя компьютерами, за одним из которых сидела кареглазая женщина, похожая на девочку.

— Здравствуйте, — проблеяла я, — а можно у вас стихи напечатать?

Анжела ЛАНДИНА, а это был выпускающий редактор университетской газеты, отнеслась ко мне по-доброму и смеяться не стала. Расспросила и, узнав, что я учусь на Маерчака на социально-правовом, попросила написать небольшую заметку о тамошней жизни. Как показало время, в этот незатейливый момент решила моя судьба.

Стихи тоже опубликовали, и сейчас я надеюсь, что ни одного экземпляра того номера в природе не сохранилось, потому что вирши мои страдали тем качеством, за какое по прошествии лет становится стыдно. Но в редакцию я зачастила: теперь можно было писать прозаические тексты, и — о, чудо! — их публиковали в настоящей бумажной газете! Я стала журналистом. Не передать, как гордо задирался мой нос!

Чуть позже, когда я окончательно прижилась в продолговатой комнате за рычащей дверью, Анжела отправила меня в редакцию журнала «День и ночь». Там надо мной взяли шефство и как подающую надежды поэтессе послали на форум молодых писателей в Липках. Ехала туда триумфатором, ожидая похвал, наград, цветов и прочих лакомств. Но стихи мои разодрали в клочья и на веки вечные запретили их писать. С поникшей головой возвращалась я в Красноярск.

В тот же год я бросила социально-правовой факультет и поступила на журфак. Потом бросила журфак и уехала в Москву, поступать в Литературный институт. Да, несмотря на хоровое мнение о моей бездарности, я продолжала писать стихи, большую часть из которых со временем пришлось уничтожить, но что-то уже начинало прорезаться наружу, какие-то точные и необходимые слова. День, когда написался «Гагарин» — самое важное моё стихотворение, был мрачным весенним днём. В таявших лужах плавал мусор, сосенные иголки лежали на сугробах, как грязь, а я складывала простые слова в не менее простые строчки, которые оживали. В тот день случилось волшебство — это я теперь отчётливо понимаю. После такого прорыва было бы совестно писать плохие стихи, но я пыталась.

Вообще до отъезда из Красноярска в жизни уже случилось несколько крупных литературных событий: поэтические слэмы, финал краевого конкурса «Король поэтов», выступления в библиотеках — многие местные писатели и поэты так и застывают на этом уровне. Мне же хотелось движения и веселья. Вариант остаться и жить мирными спокойными буднями — не рассматривался.

Литературный институт расположен в доме, где родился ГЕРЦЕН (дом принадлежал его дяде), и невозможно перечислить всех, кто побывал в его стенах. ЕСЕНИН, БЛОК и МАЯКОВСКИЙ читали там свои стихи, а последний даже написал нецензурную эпиграмму. Этот дом «дяди Герцена» БУЛГАКОВ описал в «Мастере и Маргарите», назвав его «домом тётки ГРИБОЕДОВА». Во флигеле жили Андрей ПЛАТОНОВ, Осип МАНДЕЛЬШТАМ, Даниил

АНДРЕЕВ. Здесь учились ЕВТУШЕНКО и АХМАДУЛИНА. Так или иначе, дом подпер своей жёлтой стеной каждую советскую литературную судьбу, а в XIX веке здесь собирался литературный салон, включая ГОГОЛЯ, БЕЛИНСКОГО и ЧААДАЕВА.

Первого сентября я стояла в толпе студентов возле крыльца и ждала развития событий. Был вторник, специальный семинарский день, когда студенты приходят в институт обсуждать собственное творчество и творчество других семинаристов — зачастую студентов других курсов, а то и вовсе других вузов.

Семинары бывают поэтические и прозаические, критики, драматургии, детской литературы. Руководят ими известные писатели и поэты, к примеру, за год до нас курс набирал Евгений РЕЙН, навеки запечатлённый в памяти соотечественников своей ролью в становлении поэта БРОДСКОГО. По-моему, повсеместное отношение к Рейну «через Бродского» ныне причиняет ему невыносимые страдания. Ну а я попала в семинар не менее известной Олеси Николаевой.

Я подошла к ней в конце приветственной речи ректора и спросила, что нам делать сейчас, в 11 утра, если семинар начнётся в 13.00?

— Погуляйте, — ответила она, — попейте кофе.

И я послушно отправилась гулять и пить кофе. Как выяснилось позже, именно в это время проходило торжественное вручение студенческих билетов, и невякку мне зачли за прогул. Я ещё не осознавала, что теперь

за каждым моим шагом следят старосты, что отныне наше вольное стадо считают по головам, а количество пропущенных часов в конце месяца вывешивают на доске объявлений. Так в первый же день новой московской жизни мне пришлось писать объяснительную записку.

— С занесением в личное дело! — пригрозили в деканате и, разумеется, никуда не занесли.

В тот день я встретила Лотту. Нет, наверняка я встретила её раньше, в общежитии Литературного института во время поступления, но первым воспоминанием стал забавный и трогательный эпизод: как длинноногая и очень худая девушка с нежным оленьим взором подошла к бутерброду, зажатому в моей руке, и молча откусила от него кусок. Прожевала, подняла глаза и поздоровалась со мной.

— Здравствуйте, Дарья! — сказала она.

— Здравствуйте, — в тон ей ответила я, растерянно глядя на бутерброд.

Так и повелось. За пять лет тесного общения мы не сумели перейти на «ты» — это оказалось ни к чему, и дружба наша сохранилась в том первоначальном уважении, достичь которого иным людям бывает трудно и многие годы спустя. А всё просто: невозможно всерьёз ругаться с человеком, обращаясь к нему на «вы».

Во многом благодаря Лотте я стала прозаиком: она схватила меня за руку и потащила прочь из депрессии — в затопленный Крымск, о котором я после написала повесть «Муляка». Тогда-то мне и пригодилось журналистское прошлое, которое намертво срослось с литературным настоящим.

Вторым человеком, которого подарил мне институт, стала соседка Наташка. Съехались мы на втором курсе, устав от недопонимания с предыдущими своими соседками и здраво рассудив, что сибиряки (Наташка родом из Братска) всегда поймут друг друга. Так и вышло. Соседка была прекрасна и терпелива, она мыла полы и готовила обеды, безвозмездно даря мне время для творчества, я обращалась к ней не иначе, как «душа моя» и поклялась прославлять её в веках.

Два наших окна угловой комнаты общежития выходили на оживлённый перекрёсток, и покоя не было ни днём, ни ночью. С воем проносились байкеры, лязгали грузовые фуры, гудели застрявшие в пробке машины, перекрикивали друг друга таксисты, устроившие стоянку под нашими окнами, среди ночи врубали «Чёрные глаза» в радиолах машин. Жаловаться было некому, поэтому шум мы терпели, а на таксистов орали и швыряли в них картошкой.

Комнаты в общежитиях никогда не похожи на домашние комнаты, а уж если в них живут творческие личности!.. И потому наша 434-я была легендой — все проверки заведующий общежитием водил именно сюда. У нас было чисто, стильно и уютно. На подоконниках и полках стояли цветы, а стены украшали Наташкины картины. В углу, покрытый чистым полотенчиком, таракел холодильник «Мир», который мы открывали при помощи отвёртки и звали ласково «Мирусей». Его отдали даром, и мы с однокурсником за неимением иного транспорта тащили «Мирусю» на тележке несколько километров, а когда дорога пошла под уклон, тележка рванулась из рук и ускакала вниз, протаранив припаркованную иномарку. Всё случилось в безлюдном дворе рядом с мусорными баками, и ни до тех пор, ни после мне не доводилось так быстро удирать с холодильником наперевес. История эта развития не получила: нас не нашли, а может, и не искали.

Да, простившись с нашей комнатой, с её гостеприимным видом, где всегда пахло особенно, не как в других комнатах, я потеряла настоящий дом. Этого момента мы с Наташкой ждали с ужасом и регулярно говорили друг другу:

— Представляешь, осталось два года, всего два года!..

— Представляешь, остался год!

Потом остался месяц, неделя, а потом ничего не осталось.

Утром соседка металась от шкафа к стеллажу в поисках одежды по погоде, подходила к окну, чтобы оценить, во что одеть люди, и тянула разочарованным голосом:

— Ужас! Почему они так плохо одеваются?

В девять утра мы выбегали на улицу и мчались к метро, проклиная тротуарную грязь и соль, что хрустела под ногами и оставляла разводы на обуви. Мы опаздывали в институт к десяти и, миновав проходную, крались осторожно, пытаясь избежать столкновения с Макошью, которая периодически дежурила в дверях и отбирала у нас студенческие. Чтобы забрать их обратно, приходилось писать объяснительные. А жить без студенческого не удавалось: для оплаты проездного в метро, для бесплатных походов в театры и музеи, для входа на территорию института, в конце концов, студенческий был нужен. Понутив головы, мы плелись в деканат. Заведующую учебной частью Светлану Викторовну прозвали Макошью давным-давно, и многие студенты курса до третьего всерьёз считают, что это фамилия, и отражают своё заблуждение в официальных документах — в тех же объяснительных записках. Что с ними происходит после, я не знаю, но ни одного выжившего растапы я не встречала.

На первом курсе мне казалось диким поведение деканата: в студента, вне зависимости от степени его вины, летели комья обвинений и угроз. Пугали стипендией и отчислением,

грозили не выдать диплом, выгнать из общежития или не допустить до экзаменов. Грозили карами небесными даже тому, кто зашёл поставить печать в зачётной книжке. Из дверей деканата мы выходили распаренные, как после бани, и с выпученными глазами. Лишь позже стало понятно, что таким образом деканат старался нас закалить. Неопытные первокурсники с телячьими взорами перерождались в философов, что размышляют над страданием безвинных душ, и в их глазах начинала сверкать мысль — «за что?». К пятому курсу мы становились мудрецами. Основные занятия были школой литературы, деканат — школой жизни.

А на занятиях было интересно. Сейчас я жалею, что так поздно — лишь к концу третьего курса — осознала, насколько мне нравится учиться. До того я любила записаться на лекции за последний стол возле окна и писать стихи. Непременно возле окна: в аудиториях стояла вечная духота, от которой голова погружалась в туман и дрему. Иногда полы под нами ходили ходуном — кто-то шёл по коридору за стенкой. Так, высунув нос в приоткрытое окошко «на Камчатке», качаясь от чужих шагов, я провела несколько лет.

Единственное, чем я занималась с полной самоотдачей, были семинары по современной литературе. Пугающим свободомыслием на общем тоталитарном фоне нам показалась фраза преподавателя Сергея Романовича ФЕДЯКИНА:

— Что мы будем обсуждать в следующий раз? — тихий и невероятно интеллигентный, эту фразу он произносил очень бодро, бросив руку плашмя на стол, будто прихлопнув муху. — Предлагайте!

Заговорили не сразу — не хотели показаться глупцами с плохим вкусом. Трудно вспомнить, кого мы читали первым, кажется, это был поэт. Может быть, даже Юрий КУЗНЕЦОВ. «Три хороших стихотворения, три плохих и три характерных», — сказал Федякин. Помню недоумевающие глаза однокурсников и огромную очередь в библиотеку — мы понятия не имели о том, кто такой Юрий Кузнецов. Оказалось: великий поэт.

Тогда, в первый раз, приготовились почти все. И почти все выходили на сцену за кафедру, читали стихи и неумело аргументировали свой выбор. Я очень волновалась, делала попытки выйти, но кто-то меня постоянно опережал. Даже мальчики наши, к выпуску резко сократившие свою численность и активность, читали вслух стихи! За несколько минут до конца занятия и я, наконец, встала за кафедру и вдруг поняла, что стоять там совершенно неудобно — слишком прямо приходится держать спину, так, что не видно слов в лежащей (слишком низко!) книге. А если книгу взять в руки, то она трясётся, потому что страшно разговаривать с большой малоизвестной аудиторией.

Потом мы подробно, по косточек разбирали творчество Андрея БИТОВА, Геннадия ШПАЛИКОВА, Василия ШУКШИНА, Валентина РАСПУТИНА. Библиотечных книг не хватало на всех, и поэтому мне, сидевшей во время «современки» за первой партой, приходилось подолгу читать вслух — неторопливо и с выражением. Именно это вдумчивое чтение помогло мне понять, что хорошая проза не так уж далеко ушла от поэзии. В ней работают те же приёмы: и звукопись, и размер строфы. Только рифма из разряда лексического пере-

ходит в смысловой, событийный. Как раз потому любое висящее на стене ружьё должно выстрелить — это такая рифма. У именитых стариков она повсеместна. У молодой и громкой писательской братии — почти отсутствует. Примета времени.

Однажды я предложила обсудить АСАДОВА. Федякин посмотрел на меня внимательно и спросил с ноткой разочарования:

— Вы точно хотите обсуждать Асадова? Вам нравятся его стихи?

Мне не нравился Асадов, именно потому я и хотела его проанализировать, но преподавательский взгляд вместе с интонацией стали первой прививкой против пошлости в литературе. В дальнейшем их случилось достаточно, и мы вырабатывали собственный вкус и точность формулировок. Невозможно было избежать этой науки в общении с человеком, сказавшим: «Асадов плохой поэт, но надо отдать ему должное: именно через него многие читатели пришли к

Мне повезло учиться у Александра Николаевича УЖАНКОВА — большого специалиста в области древнерусской литературы и христианства. Он учил нас не просто читать, а всматриваться в детали, находить между ними связь — эта почти детективная игра с текстами внушала трепет перед его умом и эрудированностью в самых неожиданных исторических вопросах.

— Раскольников говорит: «Соня, сердце у меня злое». Видите, он озлобился с самого начала, и уже в этом состоянии впустил в душу свою идею. А вспомните сюжет про Каина и Авеля. Почему Бог не принял жертву от Каина? В Библии нет объяснения, но давайте рассуждать! Мы не ищем причины событий в себе, мы ищем их вокруг себя. А Бог смотрит в наши сердца и способен оценить их готовность к злу поступку. Он увидел готовое к злу сердце, и жертву Каина не принял именно затем, чтобы тот взглянул внутрь себя и задумался о своём духовном состоянии. Но вместо того Каин совершает убийство брата — вот такая же идея овладевает им.

И позже Господь даёт Каину несколько возможностей осознать проступок, но напрасно. А разве Порфирий Петрович не знает, что Раскольников преступник? Конечно, знает, но ждёт личного покаяния. А было ли оно?..

Прочитывая пласт русской литературы под иным — библейским, а не школьно-советским — углом, проводя удивительные параллели, поневоле пытаешься цитировать Священное Писание и в собственном творчестве. И в какой восторг приходит душа от осознания причастности к традициям великой русской литературы!

И конечно, чем-то особенным были творческие семинары у Олеси Николаевой по вторникам. Мы опять разбирали тексты до косточек, до буковок, но теперь это были НАШИ тексты, и всё осмысленное приходилось говорить в лицо автору. Бедные стихи, что мы только с ними ни делали! Мы обрезали лишние строфы, кроили по-новому, уточняли слова.

— Возможно, так было бы лучше? — говорил оппонент и зачитывал вирши, в которых изменил анапест на хорей, а обсуждаемый поэт старался не смотреть в его сторону.

Мы учились анализировать и обосновывать своё мнение, ведь мы действительно могли в этот момент изменить чьё-то решение связать жизнь с литературой.

При поступлении я без особого энтузиазма отнеслась к тому, что наш курс набирает поэтесса — почему-то была уверена, что женщина не может быть хорошим мастером. Впоследствии выяснилось, что и ей не советовали меня брать, дескать, «тусовщица» и учиться всё равно не станет. Первый год мы смотрели друг на друга с подозрением, но он прошёл, а потом прошёл другой, и вдруг выяснилось, что мне повезло: я попала именно к тому мастеру, которого долго искала. Предыдущие взрослые поэты разбивали меня в пух и прах, а Николаева погладила по голове и сообщила, что всё будет хорошо. И всё действительно стало хорошо. Ведь в конечном итоге, как сама Олеся Александровна сказала в речи на защите наших дипломов: «Поэт — это судьба». Ровно после этих слов за окном сверкнула близкая молния, и прогремел гром. В тот день была гроза.

Гагарин

маме

Я вижу предельно ясно,
я будто всю жизнь в угаре:
над миром летит Гагарин,
распластанный, будто ястреб,

теряя болты и гайки,
дымный чертя след.
А мама зовётся Галкой,
ей одиннадцать лет.

Серым туманом испачканы
апрельские небеса.
У мамы тонкие пальчики
и чёлочка на глаза.

Мама растит косы
и сочинения пишет,
а мир, по-детски притихший,
установился в чёрный космос.

И маме под утро снится,
что воздух пропитан гарью,
а в небе летит Гагарин,
как перелётная птица.

хорошей поэзии». Мозги начинали со скрипом ворочаться в голове, с каждым годом быстрее и быстрее.

Вообще Литературный институт демонстрировал столько разных путей в литературу, что порой становилось тревожно.

Мы с головой ныряли в загадки русского языка и затвердили универсальный ответ филолога на любой вопрос: «Так сложилось исторически». Мы читали древние поэтические тексты и современную драматургию. Слагали поэмы-буриме и делали переводы с латыни. В принципе, наша учёба напоминала классическое воспитание дворянских детей, разве что без ежедневных посещений церкви. Но и тут всё непросто.

В стенах Литературного института существует удивительное явление: отсюда выходят либо глубоко верующими людьми, либо воинствующими атеистами. Последние, впрочем, как правило, перестают писать совсем. Русская литература, пропитанная православием, плещущая библейскими сюжетами, вызывает либо восторг, либо полное отторжение.

Подключаться к космосу и работать

Через счастливых и странных случайностей почти 15 лет назад привела в Красноярск уроженца города Мыски. Хотя последствия этих случайностей отразились не только на его личной судьбе, но и на литературной жизни всего Красноярского края. Наш сегодняшний собеседник — председатель Красноярского регионального представительства Союза российских писателей, заместитель председателя Красноярского отделения Литературного Фонда России Михаил СТРЕЛЬЦОВ.

— Михаил, почему у нас два писательских союза?

— По идеологическим причинам. Союз писателей СССР был подконтролен ЦК КПСС, поскольку писатель — идеологическое оружие. Соответственно, члены союза должны были поддерживать политику коммунистической партии. Остальных не принимали или выгоняли. С началом перестройки запрещённая ранее литература появилась на книжных прилавках. И отверженные писатели стали востребованы.

В 1991 году ЕЛЬЦИН подписал указ о приостановлении деятельности КПСС и сопутствующих ей организаций, какой был и Союз писателей СССР. И вот на съезде писателей, когда они решали, как действовать, и произошёл раскол. Одни стали правопреемниками Союза писателей СССР, другие создали альтернативную организацию. С идеологической точки зрения — разделились на коммунистов и демократов. Во второй организации, Союзе российских писателей (СРП), как раз и оказались бывшие диссиденты: Василий АКСЁНОВ, наш красноярский Евгений ПОПОВ... Те же процессы размежевания произошли и в регионах.

— Чем сегодня отличаются два союза?

— Наш союз живёт по принципам демократии, которые были заложены в 80-е. Всё делаем вместе: кому-то пришла в голову идея, сообщаем реализовываем. Даже на координационном совете в 2014 году в Перedelкино в очередной раз подчёркивали, что у нас нет идеологии.

Хотя Союз писателей России, конечно, мощнее, у него по стране около 10000 членов, у нас — всего около 3000.

Но Красноярский край уникален тем, что у нас не так, как во всей стране: больше как раз членов Союза российских писателей. Это благодаря Роману СОЛНЦЕВУ, который был одним из семи сопредседателей СРП.

— Вам не кажется, что читающих людей с каждым годом всё меньше?

— Нет, литературой всегда интересовался небольшой процент населения. И он всегда оставался на одном уровне. Вот у нас сегодня самые сильные отделения — в Железногорске и Зеленогорске. Это закрытые города, там процент интеллигентных людей намного выше, чем в Красноярске.

Я много лет работал с молодыми

ребятами в литературном клубе, так вот — никуда читающая и интересующаяся литературой молодёжь не делась, идёт постоянное пополнение.

В клубе мы не столько занимались, сколько встречались, общались, кричали... Самое интересное — дружба. Будь ты трижды умудрённый жизнью и расталантливый поэт, тебе нужен круг таких же сумасшедших, как ты.

— С вашим именем связано появление в Красноярске такого яркого события, как «Король поэтов»...

— Я живу в Красноярске, и мне хочется, чтобы тут было всё самое лучшее. Поэтому смотрю, что делают в других регионах, и тащу к нам. «Король поэтов» — кочующее мероприятие, его придумали в Томске в конце 80-х. Потом он перебрался в Кемерово. Но это были маленькие локальные события. Мне захотелось это сделать более масштабным. Использовал технологии, а за основу взял то, что конкурс — шуточный. Шоу для зрителей в первую очередь. Подать заявку и участвовать в конкурсе может любой желающий, победителя выбирает зал. Пятеро лучших получают возможность издать книгу своих произведений за счёт спонсоров. Наш конкурс был признан лучшим проектом библиотечной массовой работы за 10 лет в России.

— В последнее время практически нет информации о профессиональной жизни литераторов, об изданных книгах...

— Это проблема в первую очередь средств массовой информации. На оргкомитете Года литературы неоднократно перед губернатором ставили этот вопрос.

Выходит книга, писатель получает какую-то награду, а СМИ это событие игнорируют. Вот если этому писателю бутылкой голову разобьют, тележурналисты тут же приедут. Как и книгоиздательский бизнес, сегодняшняя журналистика ориентирована на среднестатистическую домохозяйку и события, которые заставят её ужаснуться или удивиться.

— А вы не ставите задачу популяризации литературы среди масс?

— Для решения этой задачи есть целое министерство культуры и при нём сеть библиотек, клубов и т.д. Мы же — общественная организация, не получаем ни копеек дотаций, и наши главные цели — вырастить и продвинуть молодые таланты и помочь нашим старичкам.

Физически невозможно работать на основной работе, заниматься творчеством, ездить на фестивали и ещё заниматься популяризацией. Есть люди, которые получают за это зарплату.

— В советское время писательство было престижной профессией...

— Это всегда было хобби. Но если ты становился членом профессионального союза, то получал пособия, зарплату, бюллетени, поездки в дома отдыха, творческие командировки. С отменой коммунистической партии исчезли и все блага. Люди в один момент потеряли всё. Некоторые писатели до сих пор ждут, что им вернут утраченное.

Сейчас, насколько я знаю, решение, в какой мере поддерживать литераторов, отдано на откуп региональным властям и зависит от отношения к литературе главы региона. У нас литераторы традиционно власти неинтересны. Как сказал когда-то Михаил Глебович УСПЕНСКИЙ о генерале ЛЕБЕДЕ: «Он умер в счастливом неведении о том, что в крае существуют какие-то писатели». Лев КУЗНЕЦОВ на встрече с творческой интеллигенцией удивился, что в крае, оказывается, выходит журнал «День и Ночь».

— Значит, вручение Виктором ТОЛОКОНСКИМ наград лучшим работникам культуры и искусства Красноярского края, среди которых и писатели, хороший знак? Меняется отношение власти к литераторам?

— Виктор Александрович пришёл в Год литературы, что будет в следующем году — неизвестно. Хотя на собраниях оргкомитета по Году литературы он гордил дельные вещи.

— В 90-е во всех книжных магазинах можно было найти книги местных писателей. У меня одной из любимых книг была тогда «Полночное солнце», сборник рассказов. А где сейчас такие издания?

— Книготорговый бизнес сегодня на 99,5% под Москвой. Крупные издательства, как и любой бизнес, действуют по принципам рынка, захватывая всё новые территории. Они лоббируют законы, по которым библиотеки обязаны закупать литературу, выставленную на сайтах крупных издательств. И что мы можем противопоставить гигантам? В Красноярске нет ни одного издательства, которое могло бы купить у писателя рукопись.

— Где же выход?

— В бюджетной поддержке. В этом году мы получили дотацию на закупку книг красноярских писателей красноярскими же библиотеками. Любой автор хочет, чтобы его творение читали и оценили. Поскольку цивилизованного издательского бизнеса в Красноярске нет, писателям приходилось издаваться за свой счёт мизерными тиражами в 100-200 экземпляров. И вот на дотации этого года мы смогли издать несколько книг и продать их библиотекам. Хотелось бы продолжить такую работу.

С министерством образования началось интересное сотрудничество: вырабатывается технология поставки книг красноярских авторов в школьные библиотеки всего края.

— Чтобы стать писателем, достаточно однажды проснуться и решить: «пожалуй, я писатель»?

— Со мной так и произошло. В шесть лет я посмотрел по телевизору сказку «Приключения жёлтого чмоданчика» и подумал: надо же, какая хорошая и смешная, нужно что-то такое же написать, чтобы порадовать

людей. Потом часто не нравилось, как закончилась книжка, садился и писал своё продолжение. Сам рисовал иллюстрации ручкой и раскрашивал их карандашом. Но готовая книжка была только в одном экземпляре, то есть только для одного читателя. А как же остальные? Садился за следующий экземпляр. То есть в детстве я был уверен, что задача писателя — не только сочинять, но и распространять. На готовом экземпляре я выводил «Цена 15 копеек» и шёл продавать. Собственно, и сегодня мало что у меня изменилось, по-прежнему всё примерно так и происходит.

Но каждый по-своему приходит к писательству. В юности у меня был товарищ, советский милиционер по фамилии БОРЩОВ, как у Афони. Однажды в ресторане он заступился за девушку, и ему в драке проломили череп. Со службы уволили по инвалидности. Жена бросила, пока он лежал в больнице. А он начал писать гениальные стихи, просто невероятные. Потом голова зажила, он начал встречаться с какой-то женщиной, а стихи становились всё хуже, и в итоге он перестал писать вообще.

Поэтому что должно произойти с человеком, чтобы он стал писателем — не знаю. Есть такое понятие «богом поцелованный»: дано тебе литературное дарование или нет. На самом деле, дано многим. Стихи пишет каждый третий юноша. Но талант для писателя — это всего лишь пять процентов. 95% — работа. Вот представьте, человек подходит впервые к пианино, но уже с убеждением, что он гениальный композитор. Но прежде чем научиться писать музыку, нужно научиться играть. Самая большая ошибка людей, написавших стихотворение или рассказ, в том, что они не хотят учиться. Отсюда и чудовищное количество графоманов. Играют они двумя пальцами собачий вальс перед профессиональными музыкантами и не могут понять, почему те их не признают.

Вот почему я веду блоги, аккаунты в соцсетях? Это тот же процесс ежедневных тренировок — сформулировать какую-то мысль, выстроить фразу. Писатель должен писать каждый день.

— А как же муза?

— Один из моих кемеровских учителей Сергей ДОНБАЙ написал обращение к молодым поэтам, первая строчка звучит так: «Поэт, организуй волнение своё». С возрастом поэтическая мышца так натренировывается, что ты пишешь, когда есть время, а критик в твоей голове сразу отбирает рифмы. Если нет вдохновения, ты знаешь, что может его пробудить. Мне достаточно съесть мороженое и выщелкать стакан семечек, пляясь у потолка. Так подключиться к космосу и работать.

— То есть профессионализм важнее таланта?

— Профессию мы можем выбрать. А призвание выбирает тебя. Мой роман «Фата» как раз об этом. Если у человека есть дар, он может его любить или не любить, но жить должен соответственно ему и всеми способами его оберегать.

— Дмитрий Сергеевич ЛИХАЧЁВ когда-то сказал: не мешайте, пусть ваши дети пишут даже самые скверные стихи, зато они

вырастут интеллигентными людьми. Со взрослыми сложнее, иногда хочется попросить автора: сделай милость, не пиши...

— Графоманов полчища. За восемь лет, пока я возглавляю представительство СРП, нажил минимум 40 врагов. Такому количеству людей я отказал в рекомендации для вступления в союз.

— Функция контроля качества текстов лежит на вас?

— Нет, есть определённый алгоритм. Чтобы стать членом писательской организации, необходимо издать одну прозаическую либо две поэтические книги, пять публикаций, причём две-три — в журналах всероссийского уровня. И предоставить три рекомендации от членов СРП. Тут включается профессиональная этика, и если книга плохо написана, рекомендации вы не получите.

— Но предположим, кандидат получил рекомендации.

— Его должны утвердить в Москве. А там с нашим решением могут и не согласиться. Поэтому даже если человек хороший, добрый, милый, обаятельный, но пишет как попало, мы не сможем из одной симпатии принять его в СРП.

И ещё нужно понимать, что наш союз — прежде всего товарищество. Это очень важное слово. Мы работаем на взаимовыручку. Я всегда беседую с кандидатом, пытаюсь его понять. И если человек представляет себя во всём белом на скотном дворе и ждёт, когда его начнут целовать в попу, вряд ли мы его примем в члены нашей организации, будь он трижды талантливым.

— Для чего нужны поездки на литературные фестивали?

— Дома сложно объективно оценить своё творчество. Ах, мои стихи нравятся не только жене, но и теще? Да я гениален! Рост возможен, только если общаешься в своей профессиональной среде. На Волошинском фестивале в Коктебеле молодые ребята могут попасть на семинары руководителя СРП Светланы Владимировны ВАСИЛЕНКО. На последнем фестивале я познакомился с издателем Даниилом ОРЛОВЫМ, который предложил поучаствовать в сборнике о Москве. Где бы ещё встретились красноярский писатель и петербургский издатель? Другое замечательное знакомство — с московской художницей Сашей НИКОЛАЕНКО, она сейчас оформляет книгу Эдуарда РУСАКОВА.

— А как вы относитесь к писателям, появившимся из Интернета?

— Я таких не знаю. Пока всё, что несёт Интернет, это пена.

— Что отличает хорошую литературу?

— Есть два типа гениев: созидатели и разрушители. И те и другие прекрасны. Например, ЕСЕНИН и МАЯКОВСКИЙ. Что их объединяет? Красота игры. Чем сразу понравился всем ПЕЛЕВИН? Тем, как он играл со смыслами. Потом он стал повторяться, и интерес к его творчеству постепенно угас. Вот игра и изменения — это важно. Я всем начинающим литераторам рекомендую читать статью Евгения ЗАМЯТИНА «О литературе, революции, энтропии и прочем». Он там говорит, что нужно экспериментировать, ломать свои шаблоны. Это не всегда удачно, иногда больно,

но необходимо. Нельзя ехать по накачанной колее. За теми, кто меняется, интересно наблюдать.

Сейчас идёт поиск альтернативы литературному фаст-фуду. Поэтому популярны достаточно жёсткие писатели-реалисты — Роман СЕНЧИН, Захар ПРИЛЕПИН. И тут тоже всё идёт по Замятину: вслед за реализмом придёт мистический реализм, потом символизм. Конечно, на новом уровне.

— Вы же Михаил Михайлович? Это родовое имя?

— Нет, это имя выбрал папа. Мама меня родила поздно, в 41 год, у нас с братом и сестрой большая разница в возрасте. Она работала в больнице, где дети, от которых отказались родители, лежали до определения в интернат. Подолгу, иногда до года. И мама привязалась к одной девочке, хотела её удочерить. Но папа был против, сказал, что будет свой, Михал Михалыч. Так что вариантов у меня не было.

— Так вы, наверное, любимчиком в семье были?

— Самый младший ведь, даже племянники старше меня. Так что избалованный любимчик, да. Я и сейчас в коллективе такой.

Папа умер довольно быстро после моего рождения, и жили мы тя-

жело. Вероятно, из-за этого меня часто оставляли дома одного, я листал книжки с картинками. Мать в четыре года научила меня читать. До 14 лет прочитал больше 1300 книг. Мой читательский формуляр до сих пор лежит в музее родного города Мыски. Знаете, очень хорошо рождаться в райцентрах, полочка в музее обеспечена.

— Всё подряд читали?

— Нет, но ДЮМА прочитал всего, хотя и некоторые усилия для этого пришлось делать. «Войну и мир» читал тоже иногда через силу, многого не понимал, но заставлял себя.

— А имеет смысл заставлять себя читать?

— Конечно. Я благодарен своей институтской преподавательнице, заставлявшей нас читать. Я учился на библиотечном факультете, а её предмет «Литература народов стран СНГ». То есть казахская, таджикская, узбекская и т.д. Изучали два года, итогом был всего лишь зачёт, но она давала нам такие объёмы читать, что в день только по её предмету мы должны были прочитывать сто страниц. Конечно, мало кто мог осилить. И сдавали ей этот зачёт по шесть-восемь раз. Девчонки рыдали и читали даже в новогоднюю ночь, все эти книги слипались в кашу в голове.

ДОСЬЕ

Михаил Стрельцов — поэт, прозаик. Участник всесибирских литературных семинаров в Томске (2000 г.) и Красноярске (2001 г.). Участник I Форума молодых писателей России (Липки, 2001 г.), фантастконвента «Вечные паруса» (Красноярск, 2011), фестиваля «Волошинский сентябрь» (Коктебель, 2013 и 2015). Лауреат и дипломант краевого конкурса им. И. Рождественского (2013), дипломант альманаха «Лёд и пламень» (2013).

С 2002 года творческий руководитель молодежного литературного клуба «Аллея» при Сибирском технологическом университете.

Автор книг «Ладонь» (1998), «Окаянная осень» (2003), «Несостояние» (2005), «Балкон» (2008), «Фата» (2011), «Сочинения: Рассказы 2010-2014 гг.» (2015). Публиковался в журналах и альманахах Петрозаводска, Минска, Твери, Москвы, Санкт-Петербурга, Сан-Франциско, Красноярска. В последние годы публицистика выходила в газете «Литературная Россия», а новые рассказы — на литературном сетевом ресурсе «Подлинник». В 2015 году начал работу над книжной серией «Сочинения», в 2016-м выйдет книга избранной публицистики.

Зато я до сих пор знаю, что Чабуа Амирэджиби — автор романа «Дата Туташхиа». В нас осталось понимание литературы стран бывшего СССР.

— Для чего это вам?

— Отсутствие культурной интеграции с народами, которые считались братскими, а сегодня — наши соседи, приводит к таким событиям, какие сегодня происходят между Россией и Украиной. Совершенно ужасные вещи происходят без культурного обмена.

— Почему вы выбрали такую нетипичную для мужчины специальность?

— Случайно. Мне срочно нужно было решить вопрос с высшим образованием. Родилась дочь, жена была студенткой, и нам уже дали семейное общежитие. Если бы я не поступил — пошёл бы в армию, и жена осталась одна с ребёнком. На журналистику набора не было, на филфак — не прошёл, но с этими оценками брали на библиотечное дело. Конечно, я собирался через год поступать на журналистику. Но за год увлекся. Что мы тогда знали о библиотекарях? Сидят тётки, иногда таскают книжки. А оказалось, это очень интересная профессия.

— Что же вас так увлекло?

— Будущее. У нас был прекрасный завкафедрой Стас Андреевич СБИТНЕВ, академик, учёный с мировым именем. Он стоял у основ тезауруса, который сейчас использует Windows, у основ изобретения модема, который уже в 50-х годах прошлого века с помощью перфокарт отправлял сообщения на дальние расстояния. В начале 90-х он нам рассказывал про библиотечные компьютерные локальные сети. О том, как бабушка из глухой деревни может узнать, как вылечить кролика, потому что библиотекарь найдёт в сетях информацию. Windows ещё не было, она появилась, когда мы учились на третьем курсе. Он такие фантастические истории рассказывал, так нас заворожил, что я много лет, работая в библиотеке Технологического университета главным технологом, занимался внедрением компьютерных технологий.

— А в Красноярске вы как оказались?

— Тоже случайно. Жену пригласили работать. Она по образованию бухгалтер, но после защиты диплома придумала свой курс и преподавала в институте «Экономику социально-культурной сферы». Курс был уникальным и востребованным. Помню, как к нам в общагу приезжал сам глава областного отдела культуры, чтобы забрать жену на совещание. Она учила чиновников, как писать экономические отчёты. Никто тогда этого не умел, я читал их «бизнес-проекты» 1997 года: «Несмотря на то, что у нас прорвало трубу, все трудности мы встречаем с большим энтузиазмом».

В 2001 году в Красноярске открывался филиал Кемеровского института культуры, и жену пригласили туда в качестве замдиректора. На месте оказалось, что ничего из обещанного нет: жильё не предоставили, с оформлением документов затягивали, зарплату не выплачивали. В общем, кинули. Но обратно мы уже не вернулись.

Александра КАЗАНЦЕВА

Один вечер в компании литераторов

Морозным ноябрьским вечером в Литературном музее имени В.П. АСТАФЬЕВА собрался цвет красноярских литераторов. Столько известных личностей под одной крышей! Среди гостей — писатели и поэты Александр АСТРАХАНЦЕВ, Владимир ШАНИН, Сергей КУЗНЕЧИХИН, Владимир ЗЫКОВ, Александр ЩЕРБАКОВ... Пришли отметить 75-летие альманаха «Енисей» — старейшего литературного издания Красноярского края. Музейщики подготовились к этой встрече основательно. Название выставки говорящее: «Енисей» — 75 лет. Писатель, личность, эпоха». В двух залах — редкие фотографии, вещи писателей, да и сам альманах, менявший своё «лицо» с течением времени.

«А если бы вдруг на моём горизонте не оказалось альманаха «Енисей»? Ведь именно с ним, с этим стародавним и славным «Енисеем», из которого многие из нас выросли как из гоголевской шинели, именно с этим альманахом в моей судьбе связан большой поворотный момент. Как давно это было!» (из письма члена Союза писателей России Николая ГАЙДУКА, 2015 г.).

На первый-второй рассчитайсь!

— Дорогие гости, уважаемые писатели! — желая привлечь внимание шуткой, открыла выставку главный методист музея, заслуженный работник культуры России АДЕЛЯ БРОДНЕВА. — История альманаха «Енисей» не такая уж и простая, как кажется...

Однако писателя, долго не видевшие друг друга, как дети, только что вернувшиеся с прогулки, казалось, ничего не замечали вокруг. Тогда Аделя Владимировна прибегла к экстренной мере: добавив металлических ноток в голос, скомандовала:

— Астраханцев, Щербаков! На первый-второй — рассчитайсь!

На некоторое время гул в зале стих.

— Мы можем назвать десяток имен не только писателей и поэтов, которые жили в нашем крае в XIX веке, но даже и тех, кто ссылку здесь отбывал, декабристы, например, — продолжает Броднева. — Очень интересный поэт Виталий Семёнович КАЛАШНИКОВ, вся периодика того времени изобилует его стихами... Псевдоним его...

— ...ЕРЁМИН, — нашёлся кто-то.

— Нет-нет, — отмахивается с улыбкой Аделя Владимировна. — Не надо иронии. Начинаем мы всё-таки с 40-х годов. В предвоенном 1940 году в нашем городе увидел свет литературный сборник «Красноярский альманах», ставший на многие годы главным печатным органом писателей. Название к сборнику перешло от «Енисейского альманаха на 1828 год». Затем началась Великая Отечественная война, и лишь в 1944 году красноярским литераторам удалось издать следующий выпуск альманаха уже под названием «Енисей».

История одного портрета

Гости не спеша переходят от одной витрины к другой, знакомятся с историей альманаха и эпохи в лицах, рассматривают чёрно-белые снимки.

На одном из фото — краги, которые принадлежали писателю Николаю МАМИНУ. Другой корифей красноярской литературы Иван ПАНТЕЛЕЕВ писал о нём в книге «Связь времен»: «Худошавый, узкоплечий, смахивающий на подростка, в неиз-

менной кожаной куртке, кожаных штанах, заправленных в жёсткие рабочие сапоги, на голове — кожаный шлем, он не входил, а врвался в дверь и сразу заполнял собой всю комнату».

— А вот и фото, на котором Мамин во всей красе — ведущий байкер Красноярска! — зажигает Броднева. — Он рассекал на своем уникальном мотоцикле, и все женщины падали штабелями.

— У него любимая фраза была: «Мы родились не выживать, а спинометры выжимать», строка из ВОЗНЕСЕНСКОГО, — добавляет Астраханцев, лично знавший Мамина. — Я познакомился с Николаем Ивановичем ещё в те годы, когда меня упорно игнорировали здешние писатели, а он как-то прочитал одну мою вещь и заинтересовался. Мы подружились. Дружба наша, к сожалению, длилась всего года два. И когда Николай Иванович трагически погиб в 1968 году (во время плавания в Беринговом море караван попал в сильный шторм), его вдова Валентина Петровна обратилась ко мне с просьбой. Она предложила за гонорар, полученный от издания последней книги мужа, написать о нём. Пришлось тогда отказать из-за сильной занятости (учёба, работа, дети). Но позже я посвятил его памяти рассказ «На круги своя» и написал о нём большой очерк в сборнике под названием «Портреты. Красноярск, XX век».

Писателя эвакуировали с потерпевшего аварию судна на безлюдный берег Анадырского залива, Николай Мамин простудился и умер от общего переохлаждения организма. Похоронен в далеком посёлке Беринговский. За могилкой приглядывали местные школьники, но от времени и условий вечной мерзлоты она пришла в плачевное состояние (сведения опубликованы Красноярским обществом «Мемориал»).

В качестве отступления

Николая Мамина иногда путают с русским прозаиком и драматургом Дмитрием МАМИНЫМ-СИБИРЯКОМ. Между тем это два разных человека. Автор повестей «Знамя девятого полка», «Валеркина любовь», многих рассказов и очерков пострадал от сталинских репрессий и почти 20 лет провёл в лагерях и таёжной ссылке. Десять из них — в селе Мотыгино Красноярского края (на Ангаре). Исследователи, писавшие его биографию в советское время, по цензурным соображениям тщательно скрывали этот факт. Реабилитирован Николай Иванович в годы хрущёвской оттепели. Так и не был полностью опубликован его «лагерный» роман «Тракт,

на котором буксуют» (при загадочных обстоятельствах исчез чистовой вариант рукописи).

— Поначалу всё у него складывается блестяще: проза, стихи, очерки печатаются в популярных журналах «Знамя», «Звезда», «Молодая гвардия», «Смена»; выходит первая книга рассказов; подготовлена вторая; он принят в Союз писателей и прочно входит в плеяду профессиональных советских писателей-маринистов, — вспоминает Александр Астраханцев, член президиума Международного литературного фонда. — Но в 1936 году у него дома провели обыск. И нашёлся смехотворный повод для ареста — среди прочих книг обнаружили издание одного репрессированного автора. В результате забрали и уничтожили все рукописи Мамина, и — «Ухталаг».

Николай Иванович немного рассказывал мне потом о своём заключении: это был один из островов «Архипелага Гулаг». Но главное — он вёл там дневники. В 1945 году Мамин вышел из лагеря, но без права въезда в 20 городов, жил в Ухте, а в 1949-м его снова арестовали. В то время была такая политика: всех кто сидел — вторично забирали. Он это предчувствовал и все дневники, которые с большим трудом вынес из зоны, раздал своим друзьям. После его смерти, по просьбе вдовы, я многие из них отыскал. Часть тетрадок хранила бывший редактор Красноярского книжного издательства Ольга ХОНИНА, часть — московская писательница Елена КАРАЛИНА.

Сейчас «лагерные» дневники — в архиве краеведческого музея. Тоненькие ученические тетрадки по 12 листов, писались при свете керосинки или даче, возможно, при свече. Вероятно в лагере на них обедали; написано где ручкой, где простым, а где химическим карандашом, чем-то залито, что-то перечёркнуто. Там без лупы не обойтись, очень тяжело читать. И хотя это огромная работа, но их нужно было бы издать, потому что лет через 10-15 эти тетрадки истлеют.

— Что же мешает?

— Формально нужно заручиться согласием дочери Николая Ивановича, но, к сожалению, она пока такого разрешения не дала.

О роли личности

Внешне альманах «Енисей» за годы существования сильно изменился: раньше его печатали чёрно-белым на дешёвой, быстро желтеющей бумаге, а сейчас — в цвете, и качество полиграфии на несколько порядков выше. Было время, когда альманах выходил шесть раз в год 25-тысячным тиражом, в наши дни — чуть больше тысячи и дважды в год.

Для журнала 75 лет — действительно эпоха. Поменялась идеология, пересмотрены ценности, приходили и уходили редакторы, авторы...

В разное время «Енисей» возглавляли Иван ПАНТЕЛЕЕВ, Иван УРАЗОВ, Николай ВОЛОКИТИН, Анатолий ЧМЫХАЛО, Борис ПЕТРОВ, Александр БУШКОВ и другие. Теперь у руля — писатель Михаил ТАРКОВСКИЙ.

Приехать на 75-летие издания внук поэта Арсения Тарковского и племянник режиссёра Андрея Тарковского, живущий сейчас в деревне

Бахта Туруханского района, не смог. Однако прислал приветственное письмо коллегам по цеху. Пишет, что для него большая честь быть главным редактором альманаха, «издания традиционного, регионального в самом лучшем смысле этого слова и стоящего на крепком основании красноярской земли, земли центральной, земли главной, земли русской и многонациональной».

— А соболю к письму не приложен? — снова шутит кто-то из писателей.

— Нет, но в следующий раз попросим, — отшучивается Аделя Владимировна и подводит всех к следующей витрине. — Мы отмечаем, как меняется лицо журнала «Енисей» в 2000-е годы. Роскошные, прекрасные номера. Это период, когда редактором журнала был Александр Бушков, которого почему-то вытеснили, осмеяли. Хотя по содержанию журнал был великолепен.

— Помню, ещё в 80-е годы я написал роман «Хроника потерянных», — добавляет Астраханцев. — Только никто его не брал в печать, потому что сатира там была на местную жизнь. И он лет 15 пролежал, а Саша Бушков прочитал и говорит: «Я его опубликую весь, без сокращений!». Три главы романа вышли в трёх номерах, и вскоре деньги на издание альманаха закончились. Начался кризис.

Зарисовки с выставки

Экскурсия продолжается. На одной из фотографий — писатель Жорес Петрович ТРОШЕВ, а рядом — лобовое стекло самолёта, на котором он летал штурманом, когда служил в авиаразведывательном полку. На другом уникальном снимке — молодые Владимир БЕЛКИН и Владимир ЗЫКОВ (последний, кстати, собрал великолепную фотолетопись Дивногорска).

— А вот и первое кафе «Ви́ра», построенное в Дивногорске, первое каменное здание, кафе молодых строителей Красноярской ГЭС, — поясняет Броднева.

— И тогда тоже пили, — комментирует кто-то, глядя на снимок.

— Нет, — опровергает другой. — Сначала они были безВИННЫЕ, эти кафе, интеллектуальные, я как-то заходил...

— Вот мастерская художника Тойво РЯННЕЛЯ, — обращает внимание Аделя Владимировна. — Мы видим молодых поэтов Зория ЯХНИНА, Романа СОЛНЦЕВА, это 1961 год. И каждая фотография здесь — история!

С этим нельзя не согласиться. Оказывается, в конце 40-х годов в пригороде Красноярска снимали художественный фильм «Разгром» по роману Александра ФАДЕЕВА, автор «Молодой гвардии» тоже приезжал в наш город и запечатлён на снимке.

Глядя на все эти фотографии, думаешь: какие же они были трудовые, наши писатели! Вот в кирзовых сапогах шагает по Хакасии Афанасий ШАДРИН. Аделя Броднева заметила: «Шагает смурной. Потому что он действительно измерил своими сапогами весь наш Красноярский край, а его биография начиналась в Игарке».

И были они, похоже, бесребренники. «Эта фотография меня просто умиляет, — признаётся Аделя Владимировна. — Пустая комната с одной железной кроватью. В комнате молодой Астраханцев с супругой и ре-

бёнком, и они абсолютно счастливы! Потому что ничего больше им для счастья и не надо было».

О цензуре

А вот история ближе, кажется, конец 80-х — начало 90-х. Экскурсовод ведёт нас в дальний закуток и показывает фотографию: писатели за длинным столом, идёт заседание в крайкоме партии. «Этот снимок подтверждает: цензура существовала», — комментирует Аделя Владимировна.

— Контроль был жесточайший, — подтверждает и Астраханцев. — Сами судите: рядовой редактор, заведующий отделом, ответственный секретарь, главный редактор издательства... А кроме этого было, если помните, ещё ЛИТО — организация КГБ. Да через такой частую муху не проскочит! У меня в ту пору со многими журналами не складывались отношения, это и «Сибирские огни», и даже «Наш современник», хотя он вообще-то вольнолюбивый был, там печатались такие киты советской литературы, как Астафьев, БЕЛОВ, РАСПУТИН, причём выступали они с очень резкими критическими нотками в адрес власти. Бились авторы за свои труды насмерть, даже в ЦК обращались. А меня, поскольку я тогда маленький был писателёк, зарубали на корню без объяснения причин. Однажды из «Сибирских огней» уже и гонорар прислали и вдруг, в самый последний момент, сняли с печати — такая вот была идеология...

«Ну не всё было так плохо...», — писатель-«полиглот» Александр ЩЕРБАКОВ (по его собственному шутиловому признанию «писал всё, кроме доносов») отводит меня в сторону, чтобы рассказать очень личную историю.

— Я из Каратузского района, из семьи старообрядцев. В нашем селе был молеальный дом, и в детстве я с матерью ходил на службы, особенно на двенадцатые праздники. И никто

нас никуда не разгонял. Потом, когда я уже работал в газете «Красноярский рабочий», умер отец. Хоронили мы его по ритуалу древней православной церкви. И опять мне, члену коммунистической партии Советского Союза, никто слова не сказал.

«Пугающая» проза

Рассматривая витрины, оказываюсь рядом с членом Союза российских писателей Владимиром Николаевичем СЕЛЯНИНОВЫМ. Он печатается в журнале «День и ночь» и альманахе «Енисей». Пишет на несельские темы, что видно по названию рассказов. Как говорит известный сатирик, приготовились? «Очень хочется умереть», «Земля трясётся», «Варвары у порога», «Интуиция от ненавистника».

Но не пугайтесь, это всё же не «рассказы ужасов». «Умная, написанная кровью сердца, заставляющая о многом подумать проза», — так оценивает творчество коллеги мэтр Астраханцев в одной из газетных статей. Автор не впал в затяжную депрессию, просто увлечён социально-психологической драмой. Любопытно, что Селянинов сам делает иллюстрации к своим книгам.

Творческие страсти

Тем временем экскурсия закончилась, и всех приглашают сфотографироваться на память и продолжить общение за празднично накрытым столом.

— Не смог сегодня прийти на нашу встречу УРАЗОВ, — сожалеет Аделя Броднева, разливая по чашкам горячий чай и потчужа гостей ягодным тортом. — Писатель-фронтовик, ему в этом году исполнилось 90 лет. Дольше всех именно Иван Владимирович редакторствовал в альманахе «Енисей».

— Именно при Уразове была чётко проработана структура альманаха и отлажена технология, — говорит Аст-

раханцев. — Позже, в 70-х — начале 80-х в редколлегии журнала собралась очень сильная команда. Входил в её состав и Астафьев. К сожалению, был в истории «провальный» период, когда в течение шести лет альманах не выходил (бюджет края не выделял денег на издание). В 2011 году мы добились финансирования. Меня попросили стать главным редактором, но это очень тяжкий труд, и я согласился отредактировать только один номер как эталон. Он вышел почти на 300 страницах (на выставке экземпляр представлен). Сейчас по линии краевого Центра народного творчества езджу по районам, ищу таланты.

— И как? Не оскудела земля красноярская?

— Край бушует, кипит в творческих страстях! Иногда и удивительные самородки в глухой деревне встречаются, иногда графоманы, а в целом — низкий уровень культуры, в том числе и поэтической. Всегда на творческих встречах говорю местным писателям: если хотите быть профессионалами, нужно много работать. И привожу в пример БЛОКА: прежде чем в 18 лет опубликовать своё первое стихотворение, он написал их восемьсот! Во времена моей молодости отбор в наши ряды был очень жёстким, некоторые не выдерживали, спивались, бросали всё и даже уезжали навсегда из Красноярска с проклятиями.

— Вы снова шутите?

— На этот раз серьёзно. Была такая поэтесса Майя БОРИСОВА. Она, когда уезжала, написала чудовищное стихотворение про Красноярск. Мол, это грязный, дремучий, тупой и малограмотный город, который не понял, не оценил её таланта. А вот Николай РЯБЕЧЕНКОВ, с которым мы вместе учились в Литинституте, в советское время тоже не был признан, но когда началась перестройка, его стали активно публиковать. И оказалось, что поэт прекрасный, жаль, трагически ушёл из жизни в конце 90-х...

Новое в литературе

— Александр Иванович, — продолжаем разговор с Астраханцевым. — Что скажете про сегодняшнюю творческую молодёжь?

— В нашей среде молодёжь — это не всегда 20-30-летние. Прозаики, например, только к 40 годам созревают, когда уже накоплен жизненный опыт. Так, участник первой чеченской войны Вячеслав МИРОНОВ однажды принёс мне пять своих книг, изданных в Москве, и попросил написать рецензию. Я прочитал одним махом. Это прекрасная литература! Мы его приняли в писательский Союз на ура. И сейчас он продолжает работать.

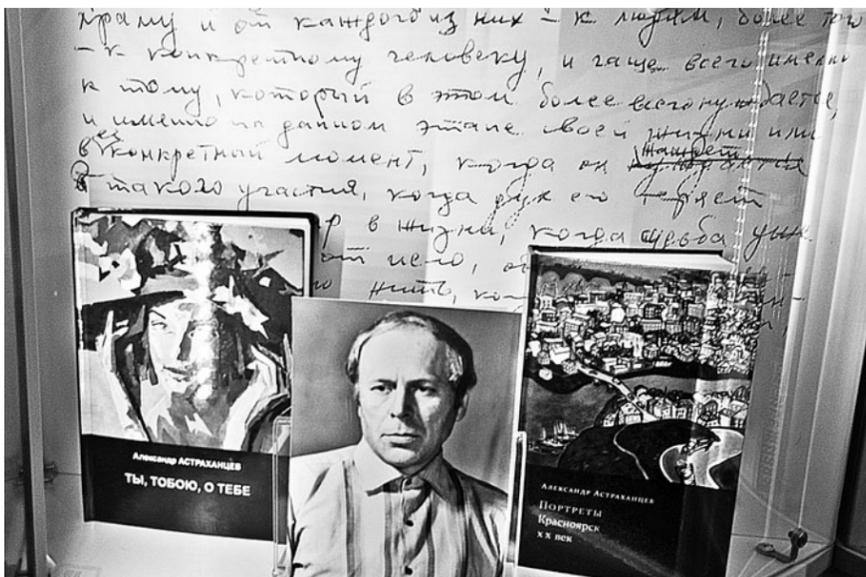
Справка:

Вячеслав Миронов — псевдоним, настоящая фамилия — ЛАЗАРЕВ. В первой чеченской войне он принимал участие в звании капитана. Этой войне посвящена первая и самая известная книга В. Миронова — «Я был на этой войне. Чечня, год 1995» (2001). Книга переведена на несколько языков. Лауреат конкурса сетевой литературы «Тенета-Ринет» и Фонда им. В.П. Астафьева.

Другой талант — Александр СИЛАЕВ, издал в Москве две книги. В 2003 году он стал лауреатом престижной всероссийской премии «Дебют». Заслуживает внимания и творчество Артура ЧЕРНОГО, издавшего несколько книг (в том числе и «Чеченский дневник»). Могу назвать ещё ряд имён: Михаил СТРЕЛЬЦОВ, Рустам КАРАПЕТЬЯН, Елена ТИМЧЕНКО, Тина КОШКИНА...

Пока беседовали с писателем Астраханцевым, Литературный музей совсем опустел, остались мы одни. Но хотелось говорить о литераторах и литературе ещё и ещё...

Вера КИРИЧЕНКО

Травелог — это испытание себя

Что такое травелог? С каждым годом писатели, издатели, литературные критики и простые читатели всё больше всматриваются в этот жанр литературы. Например, на минувшей Красноярской ярмарке книжной культуры разговор о травелогах, «художественном освоении пространства», стал одним из главных. В писательской лаборатории «Что такое травелог и как его сочинить?», специально созданной на ярмарке, красноярцы работали над собственными текстами о городе, в котором живут.

Мы поговорили с Ольгой АНДРЕЕВОЙ, одним из преподавателей лаборатории, филологом, журналистом «Русского репортёра», о том, почему каждому человеку важно уметь работать со словом, как в травелоге переплетаются личная история автора и общекультурный контекст и чем русские «записки путешественника» отличаются от западных травелогов.

— Почему важно, чтобы люди умели записывать, формулировать впечатления и мысли о месте, в котором они живут? Сегодня это получает особую актуальность.

— Это всегда будет иметь актуальность, потому что это задаёт масштаб личности пишущего. Понимаете, я никогда не ставила перед собой никаких промышленных задач. Ковать толстых по точным методам нереально. 99, 9% этих людей никогда не будут писать, но они переживут мощнейший экзистенциальный взрыв, расширение личности, расширение сознания. Более того, они обретут язык для качественного взаимодействия с реальностью.

Мы взаимодействуем с реальностью в среднестатистическом варианте очень некачественно: мы всё время находимся на территории штампа. Так работает культура. И не потому, что мы живём в начале XXI века, во времена ПЛАТОНА количество штампов было тем же самым. Это принцип работы культуры — создавать некие формульные модели, внутри которых мы существуем в языке, в поведении, в опыте анализа феноменов реальности. Очень часто мы обречены оставаться на уровне этих формульных моделей, но очень часто бывает и так, что человек, живущий внутри них, испытывает некоторое беспокойство — «есть что-то ещё».

— Что такое формульные модели?

— Это когда вы смотрите на свой город и говорите: «Какой красивый город, я его очень люблю». Вас спрашивают: «А за что вы любите свой город?». Вы отвечаете: «Ну, за то, что он такой красивый». — «А что в нём красивого?» — «Ну, вот у нас есть католический собор». — «А что красивого в католическом соборе?» — «Архитектура». Довольно бессмысленный бадминтон из совершенно законсервированных фигур, которые ничего не дают ни уму, ни сердцу. То, что человек вкладывает в эти слова, остаётся невысказанным, не сформулированным. Более того, человек может даже не догадываться, что так очаровывает его в этом католическом соборе.

Когда кто-то в отчаянии, в депрессии приходит к психологу, ему советуют: улыбайтесь — и мимиче-

Писательская лаборатория «Что такое травелог и как его сочинить?» на КРЯКК

ское движение мышц лица потянет за собой ваше психическое состояние. Танцуйте, бегайте, и иное состояние физики приведёт к иному состоянию психики. То же самое происходит с языком. «Как прекрасно солнце, выходящее из-за гор». Простая, довольно бессмысленная, но вроде как красивая фраза. Если отталкиваться от структуры фразы, если уйти от записки двойных эпитетов, причастных оборотов, красоты, бархатов, хрустальной, бокалов, роялей, то человек окажется перед мучительным вопросом: «О чём я?», «Кто я?». Он окажется перед необходимостью всё-таки залезть внутрь себя и узнать, что же такое есть для меня в этом католическом соборе? Что он напоминает? Где этот образ? Это — усилие. Этот жест так просто не происходит, он требует сознательного усилия, обычно — пинка. Наша писательская лаборатория — это насильственное воздействие со стороны, которое ставит человека перед необходимостью залезть глубоко в себя и в язык, это одно и то же. И то, что он вытаскивает наружу, оказывается удивительным чаще всего для него самого. И для меня, конечно, всегда, потому что ты видишь, как на твоих глазах раскрываются люди.

— С травелогом похожая история? Автор пытается через путешествие узнать себя?

— Травелог — это всегда личная история. Он никогда не был и никогда не будет путеводителем, туристическим описанием. Травелог — это всегда личный сюжет, диалог авторского «я» или героя с местом, с городом, со своим прошлым, со своим настоящим, со своей историей, культурой. Классический травелог БРОДСКОГО «Набережная неисцелимых» о Венеции — это величайшее произведение XX века. В Венеции Бродский оказывается перед лицом той самой мировой культуры, которую он искал всю жизнь. Ну, хорошо, вот она перед тобой. И дальше встаёт вопрос: что я ей скажу? Могу ли я? Я тут вообще кто: тварь дрожащая или право имею? Точно так же и с травелогом.

Вот перед тобой Красноярск — великий город, вот перед тобой Енисей, вот — Саяны. Вопрос-то не в Саянах и не в Енисее, а в том, можешь ли ты говорить с ними на равных. Можешь ли ты ответить на этот вызов.

Это всегда очень сильный личностный эксперимент. Это опыт, в котором люди обнаруживают в себе то, что нигде, никогда (увы, так построены наша жизнь, наше образование, где «я», личность не востребованы) не обнаруживали. А в травелоге люди переживают момент, когда от них требуют достать то, что они испытывают, плача в подушку. Требуют не просто достать своё переживание, а положить его на стол и работать с ним, делать лучше, качественней, обращаться с материалом как с глиной уже без соплей и слёз в подушку. Работать.

— Посмотреть со стороны?

— Да. На что? На самого себя, на собственную душу. «Кто я такой?» — главный вопрос любого травелога, любого писателя.

— Был какой-то список «подушек», который вы дали своим студентам? Список лучших травелогов.

— Да, конечно, с этого всегда нужно начинать — поставить перед собой планку. Это правильное человеческое взаимодействие с реальностью. Есть Иосиф БРОДСКИЙ, есть Види-адхар НАЙПОЛ, есть Брюс ЧАТВИН. А дальше смотри, как они делают. Вот метафора. Какая она бывает? Можно сделать простую метафору, можно распространённую, можно метафору наоборот, можно построить на ней всё произведение, можно использовать метафору локально в одной фразе, можно из метафоры вынуть смысл. Вы называете — повторяете

божественный акт творения, создаёте, это захватывающий процесс. Нужно, чтобы каждое слово в этом процессе вызвало эмоцию.

— В каком-то смысле любая книга — это путешествие в другую культуру, в другого человека. Но всё-таки в травелоге перемещение как физическое действие имеет свой смысл. Что в нём важнее, в этом перемещении? Путь от пункта «А» в пункт «Б» или...

— Интерпретация. Если говорить о жанровой специфике — это способность автора включить в актуальный, личностно-важный, личностно-структурирующий контекст максимально большее количество внешних сигналов. Это опыт перевода того же самого католического собора в универсальный, пронзительный, личностно-важный смысл, не туристический.

Очень важно понять: в травелоге надо забыть о достопримечательностях, вы говорите только о том, что переворачивает вашу душу, является частью вашего личного путешествия, текстовыми ступенями, по которым вы восходите к смыслу, к самому себе.

Мне кажется, что красноярцы поставлены в очень сложную ситуацию, внутри которой они, как я понимаю, по большей части чувствуют большое беспокойство. Вы находитесь в сильном контексте, в окружении феноменальной, невероятной природы. Не просто красивой, а могучей. Природы, имеющей право смотреть на человека свысока, сквозь. Вы поставлены перед лицом этого вызова, как Бродский был поставлен перед лицом мировой культуры. Я — песчинка. Красноярск — это парша земли, болезнь енисейских берегов или это мы, наша жизнь, и мы имеем право здесь быть.

То, как мучительно студенты лаборатории мяти эту тему, как они её крутили... Я очень боялась, что все выберут какой-то один контекст, но ура — так не получилось. Каждый выбрал себе свой вопрос к Красноярску. Оказалось, что у каждого свой

диалог с городом, и в текстах все решали свой конфликт, что предопределило потрясающую стилистическую разницу в текстах. Заговорили личности, это было видно даже по структуре предложений, по тому, как человек обращается со словом. Совершенно необязательно, что эта личность будет писать красиво или вообще писать. Травелог — это испытание себя.

— **Форму ведь тоже конструирует личность, получается, что травелог нельзя поместить в узкие жанровые рамки? Автор может писать с позиции репортажа, очерка, вести путевой дневник.**

— Да-да, совершенно верно. Какое-то время назад издательство «Логос» и «Паулсен» выпустили совместный проект — «Трэвел-серию», в которую вошло 10 великих травелогов. И если посмотреть на авторов этих книг, вы увидите, что кроме самого сюжета путешествия и интерпретации места в какой-то культурный, внутренний, личностно важный автору сюжет их ничего не объединяет. Найпол — это репортаж. Чатвин — тоже во многом репортаж, но только

более дневниковый. Бродский — метафорическая поэзия, совершенно потрясающая.

Травелог — страшное иностранное слово, смысл которого никто не понимает. Но он точно так же свойственен русской литературе, как любой другой. «Письма русского путешественника» КАРАМЗИНА, «Путешествие из Петербурга в Москву» РАДИЩЕВА, «Хождение за три моря» НИКИТИНА, «Фрегат Паллада» ГОНЧАРОВА, «Остров Сахалин» ЧЕХОВА, «Путешествие в Арзрум» ПУШКИНА, «Путешествие в Армению» МАНДЕЛЬШТАМА. Великие книги.

— **А есть разница между нашими «записками путешественника» и западными травелогами?**

— Это разные литературные традиции. На ярмарке продавали «Внутреннюю колонизацию» Александра ЭТКИНДА, великая книга. Специфика русской традиции, кроме языковой и стилистической, — это специфика традиционного отношения русской культуры к иной цивилизации. И в этом мы, скорее, являемся задающими тон, сами того не зная.

Понимаете, роман КИПЛИНГА «Ким» — это тоже травелог, путешествие по Индии. Но это путешествие члена метрополии по колонизированной стране. И ощущение бремени белого человека там очень чувствуется. Русская культура не имеет такой традиции. Наша колонизация никогда не происходила посредством пленения, это всегда та или иная форма интеграции, так сложилось. Это движение в себе.

Красноярску в этом смысле есть что вспомнить. Русская форма взаимодействия с теми культурами, которые она встречала на своём колониционном пути, никогда не предполагала уничтожения, более того, стратегия была как раз в том, что местное самоуправление должно остаться в руках местных людей. Оставались традиции, вероисповедания, социальный уклад, экономический уклад. Россия как метрополия взаимодействовала только на уровне внешних дел, она не влезала во внутренние дела народа, племени, региона. Ни в Сибири, ни на окраинах империи никогда не было крепостно-

го права, были специфические правила службы в армии и так далее. Это иной тип колонизации и вообще иное отношение к иной культуре, горячее любопытство и стремление заимствовать и интегрировать.

Русский травелог — это великая вещь. Это всегда вопрос «Кто я?». И в этом смысле возрождение традиции литературы о путешествии очень помогло бы нам осмыслить себя как страну, народ, как форму ментальности, связанную с культурой, предопределённую культурой. Я думаю, что красноярцам в этом смысле есть что сказать.

Анна ГРУЗДЕВА

Отрывки из текстов о Красноярске, написанных в рамках писательской лаборатории, будут опубликованы в журнале «Русский репортёр».

Другие мнения

Ксения ГОЛУБОВИЧ, писатель, переводчик, редактор издательства «Логос»

«Чем отличается путешествие от побега? Побег — это когда ты не возвращаешься. А путешествие, по сути, имеет структуру возвращения. Ты уезжаешь, чтобы вернуться изменённым, понять, чего тебе не хватало. Почти у любого автора есть причина путешествия, объект. Брюс Чатвин, например, начиная книгу «В Патагонии», говорит: у меня в детстве на полке хранился кусочек кожи бронтозавра. И этот кусочек кожи из детства отправляет Чатвина в путешествие в далёкую Патагонию, а оттуда в итоге он отправляется в историю всей европейской цивилизации, потому что — на секунду — Патагония — это та пустыня, откуда были привезены кости динозавров. Это всё, что перевернуло мир западной цивилизации вместе с ДАРВИНОМ. То есть маленькая история даёт выход к большой истории, поэтому травелог очень мил современному сердцу. Ты можешь рассказать всю историю мира на страницах маленькой книги, и это очень современный подход.

Или Вольфганг БЮШЕР. Он совершил пешее путешествие из Берлина в Москву после того, как пала Берлинская стена. Он просто вышел из дома, закрыл дверь и пошёл. Почему он идёт? Бюшер идёт путём группы армий «Центр», по которому шёл его дед, который похоронен под Можайском. По сути автор не просто путешествует, он возвращается к тому деду, которого он не знал. И вот этот внутренний круг — это то, что выделяет травелог. Это эффект кэрролловской Алисы, когда в маленькую замочную скважину ты одновременно видишь всё, что было до тебя, видишь истории других людей, которые были в этих же местах до тебя.

Травелог — это, безусловно, писательское мастерство, очень яркий стиль, потому что писателю нужно через деталь передать многое. НАБОКОВ

говорил: не нужно рассказывать мне про Индию и говорить, что там есть слоны, потому что это я могу увидеть на любой чайной коробке. Расскажите мне про то, что в индийских домах туфли выставляют за дверь, и к утру они покрываются пылью. Такие детали может видеть писатель, они важны для травелога».

Михаил ВИЗЕЛЬ, книжный обозреватель, переводчик, писатель

«Когда мы говорим о травелог, нужно понимать, что речь может идти не только о далёком перемещении, о поездке в Патагонию, но и о ментальном перемещении, перестройке своего мыслительного аппарата. Травелог в том числе и о том, что нужно взглянуть на что-то знакомое глазами путешественника или человека, который видит что-то под особым углом зрения. Приведу в пример книгу Майкла СОРКИНА «Двадцать минут на Манхэттене», которую я перевёл. Её герой живёт в Гринвич-Виллидже и каждое утро ходит к себе на работу в архитектурный офис, который находится в Даун-Тауне. Герой — архитектор, историк архитектуры, урбанист, поэтому ему хватило 20-минутной прогулки на работу, чтобы развернуть большую историю. СОРКИН начинает книгу со слов «лестница и подъезд», а дальше рассказывает о том, откуда появились современные лестницы, как устроен современный подъезд, как появился современный Нью-Йорк. Большая история большого города. «Двадцать минут на Манхэттене» — это не туристический гид, что довольно существенно. В нём присутствует ярко выраженная личность самого автора, нью-йоркского типажа, сильно играющего в невротика из фильмов Вуди АЛЛЕНА. Мир стал мал, стало более привычно глядеть на привычные вещи новыми глазами. Поэтому тема травелога снова, после очень большого перерыва, вошла в центр издательских практик».

Книжная полка

Брюс ЧАТВИН, «В Патагонии»

В 20 лет молодой Брюс Чатвин устроился на скромную должность в аукционный дом «Сотби», а уже скоро стал начальником отдела по импрессионизму. Но дальнейшей карьере помешали серьёзные проблемы со зрением — врач посоветовал Чатвину не рассматривать живопись с близкого расстояния, а «обратиться к горизонту». После Чатвин будет работать в «Санди Таймс», поступит на факультет антропологии, будет много путешествовать по миру.

Его книга «В Патагонии», вышедшая в 1977 году, принесла Чатвину огромную славу и перевернула представление о жанре травелога. Желание автора увидеть место, где обитали таинственные животные, превращается в своеобразное исследование жизни Южной Америки — лёгкое, лаконичное, глубокое, где «каждая глава могла бы стать целым романом».

После Брюс Чатвин выпустил ещё «Тропы песен» о путешествии в Австралию к аборигенам и «Утц» — роман о страсти коллекционирования. И везде он поражал критиков своим умением интерпретировать детали, замечать то, что не видят другие, превращать истории о жизни людей, которых он встретил в пути, в главы о жизни человечества.

Дмитрий БАВИЛЬСКИЙ, «Невозможность путешествий»

Книга Дмитрия Бавильского, посвящённая путешествиям, составлена из очерков и повестей, написанных в XXI веке. В первый раздел сборника вошли «подорожные тексты», где на первый взгляд ничего не происходит. Но и Санкт-Петербург, и Тель-Авив, и Алма-Ата, и Бургундия оказываются рамой для проживания как самых счастливых, так и самых рядовых дней одной, отдельно взятой жизни. Второй цикл сборника посвящён поездкам в странный и одновременно обычный уральский город Чердачинск, где автор вырос и из которого когда-то уехал. В третьей части книги Бавильский «вскрывает приём», описывая травелоги разных эпох и традиций (от Н. Карамзина и И.-В. ГЁТЕ до Э. ГИБЕРА и А. БИТОВА), которые большинству людей заменяют посещение экзотических стран и городов. Чтение — это ведь тоже путешествие и подчас серьёзное интеллектуальное приключение.

Дэвид БИРН, «Записки велосипедиста»

Дэвид Бирн — культовый музыкант и композитор, основатель знаменитой группы «Talking Heads», обладатель «Оскара», «Грэмми», «Золотого глобуса». Путешествуя с концертами по разным странам, он убедился, что лучше всего наблюдать жизнь разных городов с седла велосипеда: «такая точка обзора быстрее, чем при ходьбе, и чуть выше пешеходов — не даст заскучать, но при этом позволит рассмотреть городской пейзаж в деталях, недоступных пассажирам стремительно несущихся автомобилем или поездом». «Записки велосипедиста» — это рассказы Бирна о Берлине, Стамбуле, Лондоне, Сан-Франциско, Австралии, Нью-Йорке, где он незаметно начинает делиться своими мыслями по поводу местной архитектуры, истории, особенностях национального характера.

Тамара Булевич

Дети, птицы и лосёнок

Быстроногие сынки, как весенние цветы на южном взгорке, подрастали час от часу. Первенцам сегодня исполнилось по пять лет, а младшему — два. Мужики!

В день рождения Егора и Ильи светило яркое весеннее солнце, весело гомонили птицы, и Дмитрий Юдин решил повести своих пятилеток в звенящую весной тайгу, которая начиналась сразу за забором огорода и казалась малышам таинственной, страшноватой и неприступной. Красавица тайга тянулась далеко на север между рекой Подкаменной Тунгуской и Медвежьей горой.

Когда Дмитрий Юдин вывел Илюшу с Егоркой на свою, юдинскую, тропу и повёл по ней дальше и дальше вдоль реки в таёжную глухомань, то сыновья по-разному отреагировали на первое знакомство с дремучим вековым лесом. По малолетству близнецам строго-настроено было наказано мамой Людой, да ещё со страшилками, чтобы и нога их туда не ступала.

Всегда уверенный и болтливый весельчак Илья тут вдруг замолчал, словно сам в себя запрятался.

Егор же сразу залез под нижние лапы пихты, на иголках которой с северной стороны собрались капельки талой воды, напоминавшие обильную утреннюю росу.

— Пап, а на солнце роса! Правда-правда!

— Не сочиняй, сын, этого даже я не смогу представить. Не знал, оказывается, ты у нас большой фантазёр. Да еще какой... шустрый!

Егор обиженным голосом подождал отца и попросил его осторожно и побыстрее пролезть к нему под лапами пихты. Дмитрию ничего не оставалось, как выполнить просьбу сына.

— Слушай, Егоса, ты просто волшебник! Веточки с искрящимися капельками-росинками действительно лежали прямо посередине полуденного светила и омывали его пихтовой капелью.

— Я же говорил, что на солнце роса, а ты не верил, — заканючил Егор.

— Ладно, сын, мал ещё, чтобы понять что к чему. И в помощь мне, как раз для твоего случая, припомнился один миф, который читал когда-то вам с Илюшей. Ну? Припомяни! Почему забыл-то? — раздражался отец. — В ней рассказывается про непослушного Икара и его папу Дедала...

Егор лишь смущённо и обиженно сопел, часто моргал глазами, но отец настойчиво пытался расшевелить-таки его память.

— Папа Дедал предупреждал Икара, чтобы тот близко к солнцу не подлетал. Там... ну, очень жарко. Ведь пёрышки-то к его крыльям он приклеил воском. А воск, чуть нагрей, и он расплавится, закапает. Говорю об этом, Егорка, к тому, что даже малые планеты, которые прилетают к солнцу, от его невыносимого пекла бесследно исчезают. Ну, догадайся! Капельке — росинке там и вовсе не поздоровилось бы, — строго поучал Егорку Дмитрий.

Тут на выручку брату поспешил молчавший до сей поры Илья.

— Пап, а давай-ка Расскажи нам сказку снова. Про Икара и папу Дедала. Только всё-всё Расскажи. Нам она и тогда понравилась. Я даже всплакнул, когда Икарка испарился.

— Уж нетушки! Мы сюда за другими сказками пришли. Тоже одна другая интереснее. Вот сейчас с этого взгорка и начнём искать весну-красну.

— Это как? — оживился Егор.

— Вот слушайте и запоминайте. Первыми её вестниками являются перелётные птицы. Они отзимовали в далёких и тёплых странах, а теперь домой возвращаются, чтобы здесь на родине вывести своих деток — птенцов. Они — то и принесли нам весну на сильных и быстрых крыльях.

— А я видел над крышей нашего дома и зимой разных птиц, — сказал рассудительный Егор.

— Молодец, сынок. Правильно подметил. Есть много эвенкийских таёжных птиц, прапрадедушки и прапрабабушки, а позже и дедушки, бабушки которых издавна, веками закаляли себя в стужах да метелях. Теперь их потомки — детки, вот как вы у меня, самых суровых зим да морозов не боятся. Нынешние сибирские птицы в тайге рождаются и бесстрашно, навсегда в ней остаются.

— Значит, наши птички совсем-совсем никуда не улетают? Вот здорово! Правда же, папа, они тоже настоящие сибиряки?

— Правда-правда, — одобрительно отозвался ему Дмитрий и вдруг мигом помчался вперёд, глядя то в небо, то на дальний откос. Стая приземлялась. Теперь его внимание принадлежало только красноклювикам. Он вглядывался в избранный ими откос с сухим травостоем на другом берегу реки.

— Скорее, сынки! Смотрите-смотрите!

Илья с Егором бежали наперегонки к отцу с радостными возгласами «Ой-ой, папа!», «Папа, погляди!» «Пап! В небе много птичек!». Тот тоже радостно размахивал руками и указывал малышам на колонию полярных крачек, которые шумно опускались на откос.

— Эти крачки вернулись к нам из тёплых стран через Атлантику! Я их зову красноклювиками.

— Почему, пап? — наконец-то загорелись глаза и у Ильи.

— У полярной крачки, сынок, клюв полностью красный. Это её основное отличие от речной, перелётной. Речные крачки, когда разгуляются

лютые морозы, могут улететь только на юг нашего края. Не дальше. А эти преодолевают тысячи километров, чтобы побыть на земле, где сами родились и где вырастут их птенцы.

— А что эти птички будут сейчас делать?

Дмитрий внимательно посмотрел на Илюшу, радуясь в душе, что наконец-то проснулся в нём интерес к происходящему событию — возвращению «красноклювиков» домой, на родину.

— Чуюк отдохнут и за день-два поторопятся соорудить себе простенькие гнёзда. Выроют неглубокие ямки в сухой земле, набросают в них прошлогодней травы да разных стеблей. И уже готово гнездо для двух птенцов. Ну, просто прехорошеньких и крикливых-крикливых, таких же, какие и их мамы и папы.

— А где будут зимовать твои «красноклювики»? — наперебой спросили у отца мальчишки. Дмитрий с ответом не торопился. Всё его внимание застыло на стае. Наиболее расторопные самцы уже начали делить землю под гнёзда. Не обходилось и без стычек с соседями. Со всех концов откоса доносились их бойцовские воинственные крики.

— Уже в августе, когда подрастут и окрепнут их детки, полярные крачки вновь начнут неторопливо улетать-откочёвывать через большие водоёмы ближе к Норильску. К тому времени молодые крачки втянутся в перелёты. Тогда стая ринется в большой перелёт к берегам южных морей.

— Как крачкам интересно жить и повсюду бывать! Пап, а давай в следующий выходной сплаваем к полярным крачкам на моторке? Ни разу за свою жизнь не видел птиц с красным клювом. — Дмитрий улыбнулся Илюше — «долгожителю» и пообещал непременно познакомить сыновей с «красноклювиками».

Откуда-то из глубины тайги донесли стройные, необыкновенно приятные звуки, словно где-то неподалеку расположился оркестр, и музыканты так чудесно играли на разных неведомых человеку инструментах.

— Кто это? Там... люди?! — ребята наперебой громко и возбуждённо кричали, допытывая отца.

— Тихо, детки! Это поют птицы! А какие — не знаю.

Они стали вслушиваться в незнакомое пение и, прячась за деревья, осторожно подкрадываться к таёжному оркестру.

Скоро вблизи увидели, как расселись на сучьях сосен симпатичные птицы с рыжими головками, пушистым оранжево-коричневым оперением, широкими хохолками и длинными хвостами.

— Фу, ты! Да это ж сойки! Никогда не слышал, и никто из охотников мне не говорил о таком их таланте. Воистину, век живи и век учись! Всегда беспокойные, суетливые и неуёмные сойки умеют так красиво петь?!

Дмитрий искренне удивлялся и восторгался сойками, а лесной хор продолжал дивное пение. Некоторые сойки-солисты как-то по-особенному весело и игриво щебетали подголосками общему хору: «кээй, кээй, кээй».

Однако внезапно прилетел хулиганистый филин и уселся по-хозяйски на одинокой сосне. Необычный весенний концерт тут же прервался. Сойки в один миг смолкли и сразу же взлетели всей стаей в высь. Они беспокойно кричали, тревожно оповещая таёжную округу о появлении опасного разбойника.

Егор с Ильёй и папа Дима даже расстроились:

— Вот же злюка! Откуда взялся? Какой момент испортил! — возмущался Юдин-старший, а Илья пригрозил, когда вырастет, то всех невоспитанных задир-филинов сдаст в звериный — птичий дом «Роев ручей», чтобы там научили их дружить с сойками и со всеми птицами тайги.

— Пап, а медведи здесь не живут? — вдруг забоялся Егор.

— Нет, сынок, их берлоги далеко-далеко отсюда. Там, за Медвежьей горой.

Вдруг прямо над их головами стремительно пролетела сердитая тёмная птица. Она «ту-тут-кала» на весь лес. Тоже испугалась грозного «ухухуканья» злого филина.

— Вот так сюрприз! Кукушка, да какая! — чему-то обрадованно удивился Дмитрий.

— И вовсе не кукушка! — возразил ему Егорка. — Настоящая-то совсем другая: немного рыжая, а немного серая. Такая живёт у нас в садике в живом уголке.

— Ну, и молодчина! Всё-то ты знаешь, подмечаешь. Да, у вас живёт обыкновенная кукушка — самец. Только самцы глухо кричат «ку-ку, ку-ку». У кукушек-самок звонкая трель: «кли-кли-кли».

— Тогда почему ты эту, другую, называл кукушкой?

— Потому, Егорка, что она и есть та же кукушка. Родная сестра вашей обыкновенной кукушке. Только оперение у нее потемнее да поклик иной: «ту-тутут, ту-тутут». Правда, похож на крик удода, который живёт рядом с нашим огородом?

— Да-а-а! — поддержали его ребята. — Папа, ну, говори скорее про «другую» кукушку, а мы с Ильёй завтра же расскажем о ней воспитательнице и всей группе. Вот удивятся! И красноклювикам, и сойкам, и «другой» кукушке!

— Уговорили! — Дмитрий посмотрел на часы. — У-у-у! Наше время на знакомство с весенней тайгой давно истекло. Пора, мужики, топтать домой. Мама с Андрюшей ждут нас с подарками, праздничным тортом и душистым таежным чаем.

ДОСЬЕ

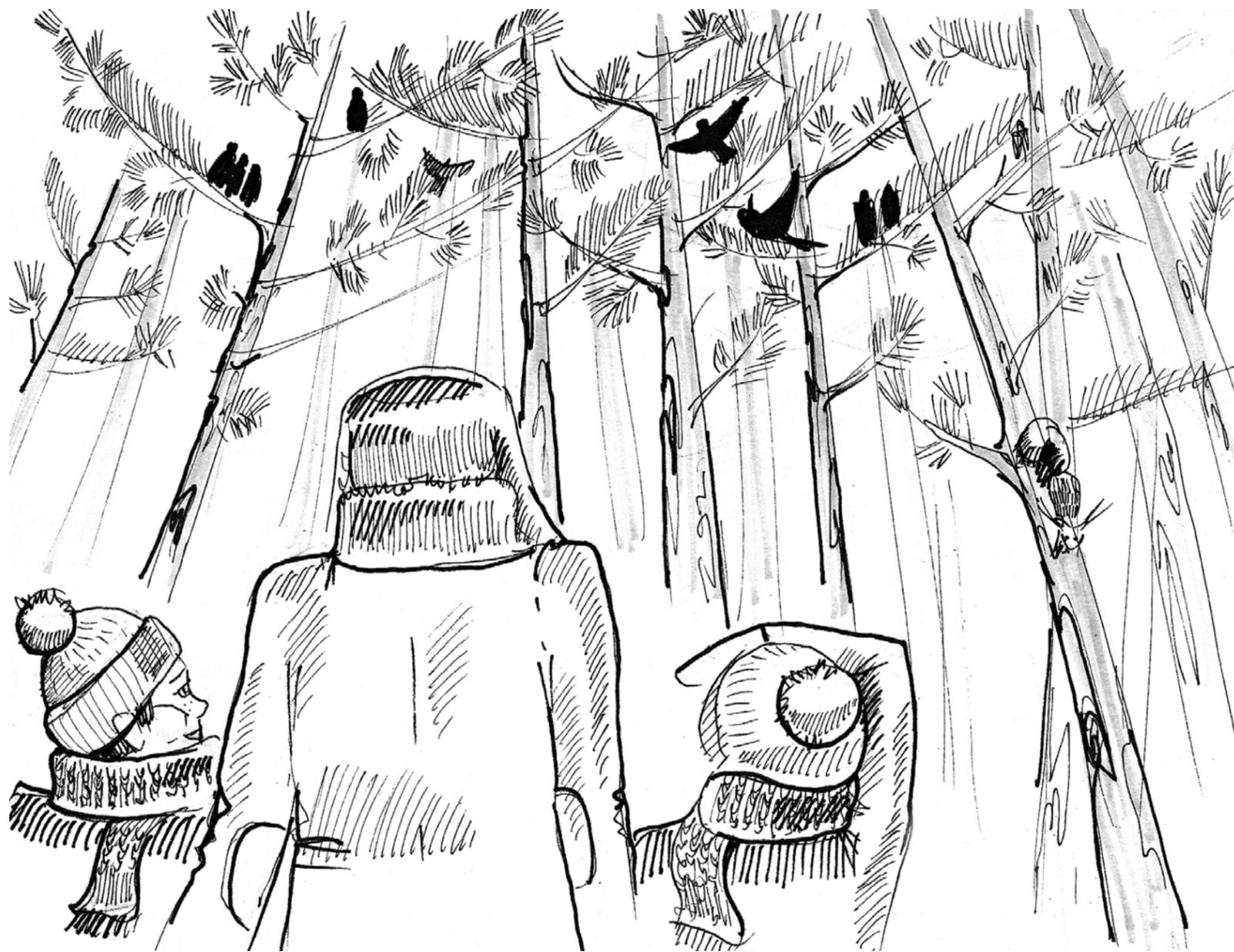
Тамара Булевич (Гармаш) родилась в Казахстане в казачьей станице Пресногорьковской. Окончила Уральский государственный университет, факультет журналистики. В Красноярске живёт с 1977 года.

Лауреат многих литературных конкурсов и премий, среди которых — две золотые медали имени Константина Симонова Международной ассоциации писателей батاليстов-маринистов (2007) за книгу «Фрося-Ефросинья» и «Тропой любви» (2012), «Золотой Пегас» Хорватской Академии российской литературы и искусства за книгу «Плач рябины» (2014), золотая медаль Лейпцигской книжной ярмарки и Международной гильдии писателей за роман «Горячие тени» (2015 г.).

О творчестве Тамары Булевич критик и литературовед, главный редактор «Московского Парнаса» Л. Ханбеков в 2008 г. написал книгу «Власть тайги». На стихи Тамары Булевич написаны романсы и песни красноярскими композиторами.

Международная гильдия писателей присвоила Т. Булевич звание «Личность года-2013».

— А про кукушку?! — не унимался дотошный Егор.

— Идите и слушайте. Так вот... «другую» кукушку называют «глухой». Люди мало что о ней знают.

— Она ничего не слышит, бедняжка? — сочувственно спросил Илья.

— Нет, не поэтому её так назвали. Думаю, за то, что она — очень скрытная птица и живет в глухой, безлюдной и дикой тайге. А еще за её голос. Вслушайтесь: «ту-тутут, ту-тутут». Глухой, однако.

— Она — перелётная?

— Нет, Егор, глухая кукушка чисто наша, сибирская, преданная эвенкийской тайге.

Илья с Егором побежали к развилке, где отцова тропа смыкалась с прямой дорогой к дому. По их бесконечным прыжкам и радостным крикам Дмитрий понял, что первая вылазка в весеннюю тайгу запомнится им надолго. И вновь он отвлекся на низко летевшего к токовищу глухаря. Тем временем его сыновья нашли что-то необычное и, лёжа на снегу у большого валуна, истошно подзывали его к себе.

Подбежав к ним, Дмитрий тоже сначала оторопел, но потом пришёл в неудержимый восторг. С южной стороны валуна, под прозрачной ледяной плёнкой из снежного углубления с проталиной вылезли на белый свет пять желто-белых цветков на пушистых толстеньких ножках.

— Это же подснежники! Вот так чудо! Ну и парничок-снежная тепличка! Мамуле-то какая радость будет: первый весенний букет от сыновей-именинников. Вручая их, что скажете маме Люде, а, сынки?

Илья заторопился высказаться первым:

— Скажем: «Дарим тебе, любимая мамочка, подснежниковые цветы!»

— Не «подснежниковые», а подснежные цветы, — поправил брата Егор, и оба близнеца улыбались отцу счастливой улыбкой.

Ребячьих рассказов о весне, весенних птицах, первых «подснежниковых» и «подснежных цветах» хватило надолго и дома, и в детском садике.

Дмитрий Юдин любил тайгу особой любовью. Старался оберегать от всяких напастей, заботился об её обитателях как мог. С раннего детства приучал сыновей почитать зелёную кормилицу.

Не только словами, но и поступками отец показывал сыновьям, как надо любить таёжный мир.

На следующий выходной Юдины не попали к полярным крачкам: заболел Егорка, и мальчишкам пришлось остаться с мамой Людой, а их отец Дмитрий ушёл проверять своё зимовье.

Близнецы с нетерпением ждали его возвращения домой, чтобы услышать, кто ещё из перелётных птиц вернулся в тайгу. Но отец принёс в дом очередное чудо весны — маленького лосёнка, названного им Валькой.

Малыш едва стоял на высоких, дрожащих и непослушных ногах. Скорее всего, он был у лосихи вторым телёнком, который по воле какого-то случая отбился от неё и застрял в заломе распадка. Дмитрий случайно наткнулся на него и, рискуя собой, высвободил лосиного детеныша из ледового плена.

Вальке дал меньше недели от роду. Оголодавший и слабый, тот отчаянно пытался выкарабкаться на сушу. Но скользкий, трухлявый сушняк обламывался, крошился и снова тянул его в студёную талую воду распадка.

Не произошли их встреча — лосёнку бы не жить!

В доме Валька быстро освоился, отогрелся в тёплом предбаннике на старом отцовском полушубке. Напился молока с манкой, отоспался. И уже на следующий день шустро бегал по подворью, брыкался, высоко подпрыгивал и тузил забор. Полюбил маму Люду, почему-то считая её сво-

ей матерью. Стоило той спуститься с крыльца, как чуткий Валька оставял забавы, мчался к маме Люде стрелой и начинал всю облизывать, тыча симпатичной мордочкой ей в живот. А когда она выносила лосёнку поило — молоко с кусочками размоченного хлеба — он чуть не сшибал с ног, налету хватая и засасывая в рот края цветастого фартука. От таких «наездов» от фартука вскоре остались жалкие, жёваные лохмотья.

Прислонив ведро с молоком к забору, мама Люда ногами и руками пыталась удержать его в стоячем положении. Валька же всякий раз, прежде чем приступить к очередной кормёжке, старался поддаться коленом долгожданному кормилицу и только потом окунал в ведро ушастую мордочку. Изредка телок высывался из ведра, чтобы хлебнуть воздуха, при этом громко сопел, фыркал, мотал белой от молочного поила головой.

В такие минуты в доме откладывались дела, и всё семейство с восторгом наблюдало за лосёнком. К концу трапезы Валька был от копыт до холки в молоке и крошках. Поила хватало на всех: лобастый шустрик не по разу благодарно обегал семейный круг, оставляя на каждом печать своей телячьей нежности и признательности, испачкав одежду всем присутствующим на этом шоу до неузнаваемости.

За сутки лосенок набирал около двух килограммов привеса.

К концу лета отец навсегда разлучил сыновей и маму Люду с их любимцем. «Это вам не игрушка, а таёжный зверь». И увёз Вальку на дальнее зимовье за Медвежью гору. Быстрого, упитанного, с заметно набухшими рождками.

... Три года спустя они встретились на узкой, каменистой лосиной тропе. Дмитрий узнал лося издали. Но Валька остановился первым. Задрал голову, долго смотрел на идущего навстречу человека. Чувственными, влажными, волосатыми ноздрями

втягивал глубоко в себя летящий от него ветерок. В раздумье переминался с ноги на ногу, хрипло мычал, прижимаясь крупом к поросшему лишайником скальному выступу. Замирал, словно что-то сопоставляя и припоминая.

Человек остановился в десяти шагах от могучего красавца, протянул к нему руки и тихо позвал: «Валька! Валька...»

И тут же, вздыбив копытами известняковую пыль, громадина-лось ринулся к своему спасителю. Приблизившись вплотную, несколько раз обошёл его, приосанился, мотая головой, словно хвастаясь высокими, ветвистыми рогами. И, добродушно хоркая, сопя, хукая, как в детстве, осторожно прижался к человеку торсом. Потом стал лизать лопатистым, розовым языком его руки, лицо и фуфайку...

В холке Валька вымахал под два метра и весил около полтонны.

На Дмитрия от благодарной памяти Вальки нахлынули приятные воспоминания о спасении и долгом общении дома с маленьким лосёнком. Он гладил дрожащей рукой доверчивую, тычущуюся в него морду большого лося. Зверь замирал от удовольствия, когда добрый человек ласково трепал его за длинные уши, тербил свисающую на грудь клином густую, шелковистую бороду, одобрительно хлопал ладошками по сильным, стройным ногам.

Так они долго и близко общались, наслаждаясь неожиданной и счастливой встречей, понимая друг друга, разговаривая на языке идущих от сердца доверительных звуков и выразительных телодвижений.

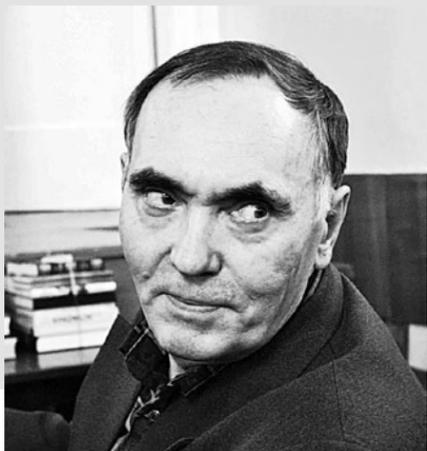
Потом медленно и неохотно расходились в разные стороны, будто зная, что никогда уже их тропы не пересекутся.

Как отобрать из множества авторов лишь десяток имён и немногим больше стихов, чтобы читатель мог составить себе представление о красноярском парнасе? В предлагаемой подборке, на наш взгляд, то достоинство, что поэты здесь — самые разные. И по возрасту, и по признанию, и по манере, и по содержанию их лирики. Именно поэтому мы надеемся, что каждый читатель найдёт здесь по крайней мере одно имя, которое станет открытием, и как минимум одно произведение, которое окажется созвучно вашей душе.

александр щербаков

Живой классик. На его родине в селе Таскино проводятся «Щербаковские чтения». А на сайте gospisatel.ru только именем Щербакова представлена поэзия Красноярского края. Заслуженный работник культуры России, лауреат Международных литературных премий имени А.Н. Толстого и имени П.П. Ершова, финалист Бунинской премии, дипломант Московского международного конкурса поэзии «Золотое перо». А в этом году к его почётным званиям добавилось — победитель Всероссийского фестиваля-конкурса «Русский Лад» за патристическую лирику.

Из любимых поэтов — ПУШКИН, ЕСЕНИН, ТВАРДОВСКИЙ, ЗАБОЛОЦКИЙ. Любимая книга теперь — «Евангелие».

Девятого мая

Я знаю, что в сегодняшнее утро
Отец проснётся раньше, чем обычно,
Побреется с тройным одеколоном
И, сняв с гвоздя армейский старый китель,
Воинственно медалями блеснёт.
За завтраком нальёт стакан гранёный
Настойки той, что с осени берёт,
И потекут его рассказы-были,
Которыми богата память ран.
Вот партизан, в папаше с лентой красной,
Отец стоит у штаба на дозоре,
И, подходя к калитке, сам Шетинкин
Ему, как другу, руку подаёт...
А вот отец в Крыму, в степи сожжённой,
Прижав к груди винтовку, как ребёнка,
Ползёт вперёд, до боли стиснув зубы,
Под пересвистом врангелевских пуль...
А вот его без чувств, едва живого
Под Сталинградом через Волгу-реку
Переpravляет незнакомый парень,
Чтобы в ближайший госпиталь отдать...
И, человек суровый и неробкий,
Отец заплачет тягостно и мокро
И станет сокрушённо удивляться
Тому, как смог остаться он в живых.
Потом закурит, по избе пройдётся,
Молодцевато ус седой подкрутит
И скажет бодро: «Да, несутся годы...
Но только у солдата порох сух.
И если что (не дай тому случиться) —
Ещё тряхну, ей-богу, стариной!»

Русское слово

Скажи, луг росистый, скажи, бор сосновый,
Скажите, речные буруны,
Ну, чем оно так, наше русское слово,
Тревожит душевные струны?

Ответь, отчий дом, свежим хлебом пропахший,
Согретый дыханием печи,
За что с юных лет слово русское наше
Люблю я до боли сердечной?

Шепните, заветные книжечки страницы,
Зачем в одиночестве снова
Листаю я вас и, как отблеск зарницы,
Ловлю самородное слово?

Оно — и молитва, и клятва, и песня
В устах наших грешных и душах.
Неужто и впрямь победит чужебесье
И русское слово задушат?

Наверно, беспмятным быть и беспечным
Мне к слову родному негоже.
Не зря ж на кресте моём осьмиконечном
По-русски напишут: «раб Божий...».

Помолюсь...

Брошу всё и уйду на заре
В лес тишайший, седой от мороза,
И под тоненький звон снегирей
Помолюсь белокорым березам.

А кого ещё боготворить,
На кого возлагать нам надежды?
Если начистоту говорить,
Лишь они нынче в белых одеждах.

Помолюсь за собратьев своих,
Что попали в объятия бесов,
И помимо стяжанья у них
Не осталось других интересов.

И за тех помолюсь, кто успел,
И за этих, слетевших с катушек,
Чтоб смягчить незавидный удел
Уступивших лукавому души.

И за всю оскудевшую Русь,
За бездольных её ребятишек
Помолюсь, ибо очень боюсь —
Не видать им ни книжечек, ни пышек.

Да минует их рабский хомут,
Да минуют сиротские слезы...
Помолюсь — и берёзы поймут,
И помогут святые березы.

Послание юным

Не ждите, друзья, слишком много
От жизни, доставшейся вам.
О неких «открытых дорогах»
Не верьте лукавым словам.

Навряд ли вам выпадет счастье,
Скорее — лишь отблеск его.
Господь отмечает нечасто
Любимца в толпе своего.

Но ежели даже отметит
Красою или мудростью вас,

рустам карапетьян

Лауреат премии им. В. П. Астафьева 2007 года, дипломант премии «Золотое перо Руси» 2010 года. Пишет совершенно замечательные книжки для детей. Вот что Рустам говорит о себе:

«Писать для детей я начал примерно с 12 мая 2008 года. Ещё примерно за два года до этого у меня родился сын Ян. Может быть, эти два факта и не взаимосвязаны, но прямых доказательств обратного нет. Писать я начал так: сочинял пародии на стихи моей знакомой и по совместительству детской поэтессы Ульяны ЯВОРСКОЙ. Начиная с третьей пародии, стал писать детские стихи. А потом, когда надоело подбирать рифмы, принялся за детские рассказы.

На встрече с детьми меня спросили: «А у вас есть биография?». Это хороший вопрос, и я на него отвечаю: «У меня есть биография». Я родился, потом вырос, потом учился, а теперь живу и работаю посреди России в городе Красноярске. Поступал я на математический факультет, а закончил психолого-педагогический. Совершенно логично, что с тех пор я работаю программистом. Совершенно нелогично, что я стал писать лирические стихи. И не поддаётся никакому объяснению, что меня стали печатать».

Из небольшой анкеты, которую редакция СФ предложила поэтам, чьи стихи мы сегодня публикуем, о Рустаме мы узнали следующее.

Любовь к поэзии началась с ВЫСОЦКОГО и ЦОЯ. Сейчас ему почему-то интереснее читать поэтесс — на полочке дома Инна ЛИСНЯНСКАЯ, Вера ПАВЛОВА, Лариса МИЛЛЕР. Кроме того, много читает документальной и мемуарной прозы, и детскую литературу, разумеется. Что ещё вы хотите о нём знать? Более-менее пишет и говорит на эсперанто, есть такой язык.

На этом несправедном свете
Удачи в придачу не даст.

И вы не надейтесь на чудо,
Что перехитрите судьбу.
Всё будет: Пилат и Иуда,
Голгофа и крест на горбу.

Над тетрадкой

Всё сижу над тетрадкой своей,
Стал уже и седым, и горбатым.
Наша доля такая — знай сей
И не думай о жатве богатой.

Пусть пока недород, не беда,
Обойдусь рядовым намолотом.
Буду счастлив вполне и тогда,
Если за сердце трону кого-то,

Если скрашу кому-то досуг
Немудрящим, но искренним словом,
Утешенье душе принесу,
Удержу от порыва дурного —

И добро устоит перед злом
Ну, хотя бы в одном человеке...
Как Петрарка, усну за столом
Над заветной тетрадкой навеки.

Достали...

Достали меня современные тексты.
От них даже в лес я намеренно удрал.
В лесу раздавался топор дровосека,
Как ныне сказал бы поэт-либерал.

Визжала пила вдалеке сексапильно.
И дятел стучал, как последний сексот.
Земля наша впрямь велика и обильна,
Но кто-то богато нам жить не даёт.

Да ясно же кто — дураки и дороги,
Дороги, которые выбрали мы...
Всё чаще поют погребальные дроги,
Всё больше клиентов тюрьмы и сумы.

Кошка сегодня празднует Новый год.
Ей подарили из поролонки мышку.
Снегом засыпал город метельный кот.
Пахнет хвоей. Темнеют на ёлке шишки.
А за окошком всюду белым-черно.
Бродит хмельной Мороз, понижая градус.
Целую вечность хозяйка глядит в окно.
Видимо, ждёт, что явится Санта Клаус.
Будет в окне салют, на столе салат...
Кошка играет мышкой из поролонки.
Пахнет хвоей. Хозяйки темнеет взгляд.
Руки играют сотовым телефоном.
Кошка тихонько трётся у самых ног.
Стрелка секундная время дерёт на части.
Без десяти двенадцать. И вдруг звонок,
Кошка не зря с утра намывала счастье.

Вот полночь звёздами блеснит,
И Карлсон по небу летит,
И песню звонкую свистит
В расцвете лет он.
Погода нынче холодна,
Но у раскрытого окна
Грустит который день одна
За рюмкой фрекен.

Ей никакого дела нет
До мужиков в расцвете лет.
Она грустит, что счастья нет,
Хоть было ж вроде.
Осталось с тех времён чуток:
Лишь чёрный порванный чулок,
А с ним коричневый чулок
Лежат в комодке.

И каждый из нас,
россиян, ну не раб ли?
Отменно ленив и весьма косорук.
Мы всё наступаем на старые грабли,
А новые выстругать нам недосуг.

И тянем мы все на себя одеяло,
Наш менталитет
однозначно плохой.
До русской идеи — как до идеала,
Закон бы принять...
Ну, хотя бы сухой.

Утоли моя печали

Олегу Пащенку

С часу гибели Державы
И по нынешние дни
Всё ношу я в сердце жало,
Всё в душе моей саднит.

Этой болью, этой болью,
Словно пылью, ест глаза.
Как ты там, в степи ковыльной,
Без меня пасёшь, казах?

А тебе за синь-горами
Как торгуется, грузин?
Рвут ли янки чай с руками
И щедреют ли от вин?

Ну, а ты, хохол упрямый,
Незалэжнее ли стал,
Как на их же кнут и пряник
Наше братство променял?

Не примите, Бога ради,
За злорадство речь мою.
Я не рад, мы все не рады,
Что утратили семью.

Только кто вернёт Державу,
Утолит мою печаль?
Кто из сердца вынет жало,
Чтоб не ныло по ночам?

Дворник улицу метёт.
День.
Неделю.
Месяц.
Год.
А над ним струит эфир,
А вокруг несётся мир.
Стали цены выше ростом,
Но зато зима теплей.
Дети выросли до взрослых,
Завели себе детей.
Наступает океан,
Сотрясается вулкан,
Пропадает самолёт.
Дворник улицу метёт.
А над ним струит эфир,
А вокруг бушует мир.
Стало как-то всё непросто
От песков и до снегов.
Дети выросли до взрослых,
Превратились в стариков.
Эпидемия бурлит,
Долбанул метеорит,
Пугачёва не поёт.
Дворник улицу метёт.
По асфальту мерно водит
Он растрёпанной метлой.
Ведь в любую неполаду,

В день любой,
И в год любой
Хоть и мусорится быстро,
Всё равно должно быть чисто.
Утирая честный пот,
Дворник улицу метёт.

Пролетали облака булками,
А над ними стаи птиц булькали.
И, от солнца ошалев острого,
Ангел по небу бродил бронзовый.

Он бродил и напевал песенку,
Про крутую в небеса лесенку,
Что не каждому по ней сможет.
Грела смайликом его рожица.

Мы ему, как и себе верили,
И дорогу до небес мерили.
А потом, друг друга взяв за руку,
Торопили мы вперёд радуго.

В конце незаконного лета
Концы все с концами свести
И с первой порослью света
В неверную морось уйти.

А дальше — лесами, лугами
Вышагивать день напролёт,
И чувствовать землю ногами,
И слышать, как небо поёт.

А ночью, догнавшему следом,
От близости звёздной хмельть,
И ждать откровенья ответа,
И знать, что немислима смерть.

ИВАН КЛИНОВОЙ

Родился в 1980 году в Красноярске. Учился в Красноярском госуниверситете. Дипломант «Илья-премии», лауреат Фонда им. В.П. Астафьева, лауреат премии им. И.Д. Рождественского. Член Союза российских писателей, член Русского ПЕН-центра. Любовь к стихам началась с БЛОКА. Но на сегодняшний день знает так много хороших авторов, что не возьмётся выделить кого-то: Александр КАБАНОВ, Анатолий КОБЕНКОВ, Дмитрий МУРЗИН, Сергей ИВКИН, Надя ДЕЛАЛАНД, Анна ПАВЛОВСКАЯ, Мария МАРКОВА, Станислав ЛИВИНСКИЙ. Любимые книги — «Защита Лужина» НАБОКОВА и «Одесские рассказы» БАБЕЛЯ. Что касается обязательного чтения — считает, что каждый гражданин нашей страны должен быть знаком с Библией, Торой и Кораном — «чтобы понять, что разница только в декорациях». В последнее время нет-нет да и произнесёт фразочку из мультфильма «Головоломка»: «Можно я тихохонько ругнусь?». Пишет преимущественно лирику.

Вещей ненужных отбросить хвост
И взять билет на любой лоу-кост,
Куда подальше от этих стен —
Искать свободу, нирвану, дзен.

Расставить точки над *i* и *ё*,
Не грызть обрыдлое «бытиё»,
А со скамейки смотреть Гудзон,
На нет сходящий под горизонт,

Потом в Тибете найти батут,
В блокнот заметки: был тут и тут,
Заря в Заире, закат в ЮАР...
Жить в целом мире не в долг, а в дар.

Учиться счастью, начав с основ,
Не думать, будет ли гроб соснов,
Обросши грёзами, обрести
Покой не в самом конце пути.

*Эпоха? Я не знал её. Погугли.
Александр Костарев*

Помним ли мы эпоху?
С лёгким акцентом Пьеху?
Не подводя к подвоху:
Все превратились в йеху, —

Жить с ощущением страха
Да в ожиданьи лиха,
Рвать на груди рубаху
Или молиться тихо, —

Лишь на границе слуха
Чуткое ловит ухо
Песенку, что мы знаем,
О голубом Дунае.

Кто тебя научил ненавидеть, уже неважно.
Всё уже сделано, пробки вылетали.
Мальчик, что был отважно таким бумажным,
Нынче взрывоопасен — пропан-бутан.

Вера в любовь заменяется верой в ярость.
Бог из машины — на месте того, в деталях.
Белый ли, алый — пофиг! — порвали парус.
Каяться не в чем. И молча глядишь в стакан.

Выжить (не подвиг) — всегда в списке дел на завтра,
Впрочем, оно давно не в приоритете.
Мальчик, светло мечтавший стать космонавтом,
Нынче мечтает уехать, куда глаза...

Чистить бассейны, а может быть, стричь газоны,
Лайкать и постить что-нибудь в интернете,
Всем говорить, что прекраснее Аризоны
Нет ничего, и в серье её — бирюза.

алексей журавлёв

Родился 2 марта 1956 года в Омской области, где и закончил среднюю школу. Служил в армии, по окончании службы переехал в Красноярск. Образование среднее техническое. Поменял массу профессий: работал в строительной организации, на Красноярском заводе комбайнов, монтером ГТС, начальником компьютерного отдела издательства госуниверситета, начальником компьютерного цеха Красноярского книжного издательства. Довольно продолжительное время участвовал в полусамиздатском движении — переводе и печати книг на эсперанто. Свои рассказы и стихи печатал как в коллективных, так и в авторских сборниках, в литературных журналах. Золотой (2007 года) и Серебряный (2008 г.) лауреат Национальной литературной премии «Золотое перо Руси». В стихах преобладает ирония. Гениальной считает мысль «В действительности всё совсем не так, как на самом деле».

Давно вчера

Когда я вчера уходил от тебя,
Ты тихо сказала: «Прости, не любила...»
Небесные хляби разверзлись уныло
И ринулись вниз пеленою дождя.
Хотелось заплакать, но не было сил,
Когда я вчера от тебя уходил.

Когда я вчера уходил от тебя,
Растрепанный, жалкий, промокший до нитки,
Твой Шарик меня проводил до калитки,
За полу плаща невсерьез теребя,
И, что-то почуяв, тоскливо завыл,
Когда я вчера от тебя уходил.

Когда я вчера уходил навсегда,
Терзая размокший мундштук папиросы,
Был месяц июль. Было много вопросов,
Но мало ответов, и все — ерунда!
Какой же был год-то? Не помню. Забыл.
Давно я вчера от тебя уходил...

Я — Гамлет

В своём служенье строгой Мельпомене
С теченьем лет растрчивая прыть,
Я в сотый раз стою на авансцене
И размышляю: Быть или не быть?

Вопрос не нов... Но что, скажите, ново
В наш сумасшедший электронный век,
Когда стремительно тускнеет слово
И вместе с ним мелькает человек?

«Уснуть и видеть сны», достигнув Леты,
Ведь далее не будет ничего...
Но зритель честно оплатил билеты —
И я обязан убедить его,

Что «тот придурок с черепом и шпагой» -
Наследный принц и будущий король,
Что честь в чести, и верность, и отвага,
Что мы живём, а не играем роль..

Такая уж работа у актёра...
Поверит зритель — значит, ты Артист.
А если не поверит — приговором
Из зала донесутся смех и свист.

«Ах, бедный Йорик...» Я прикрою двери,
Не злясь ни на кого и не виня...
Как только зритель перестанет верить,
Сто первый раз случится без меня.

Ведь шоу, как мы знаем, must go on,
А престарелый принц, увь, смешон.

Медиапоэзия: медиа или поэзия?

Году литературы посвящено множество мероприятий по всей стране и даже такое не литературное событие, как Красноярский международный фестиваль экранных и медиаискусств. Тема пятого по счёту фестиваля — «Пространство текста», а включал он фотовыставку, лекции, презентации, фильм, перформанс и видеопрограмму.

Традиционно фестиваль провёл конкурс в номинациях «экспериментальный фильм», «видеоинсталляция», «компьютерная анимация», «компьютерная графика», «короткометражный художественный фильм», «фотопроект», «видеоарт». Мало того, что работы в этих жанрах должны были как-то взаимодействовать с литературой, в этом году к ним добавились ещё две номинации — «буктрейлер» и «видеопоззия».

Сочетаются ли медиа и слово? Способно ли изображение не просто объяснить его, но и подтолкнуть к новому (или первому) прочтению? Зачем сегодня текст должен обращаться не только к буквенной форме? На эти и другие вопросы и пытался ответить фестиваль.

Литература и медиа

У Хулио КОРТАСАРА в «Игре в классики» одна глава написана параллельным рассказом «внахлест», и можно выбирать — читать строчки подряд, и тогда текст преобразовывается во что-то более связанное, или же так, как выстроил писатель. Можно выйти из положения, прочитав текст вдвоём одновременно вслух и записав его на пленку, чтобы потом послушать результат. Это действие и будет простейшим примером медиапоэзии как нового взгляда на литературу.

Одна из работ, представленных на фестивале, делает примерно то же — «Полярности» (художники Елена ДЕМИ-ДОВА и Максим КАЛЫКОВ) соединяют тексты Анны АХМАТОВОЙ и Николая ГУМИЛЁВА на экране телевизора. В фокусе внимания — два поэта, муж и жена, «два полярных мира, два непримиримых полюса». Их тексты преобразуются из простого «в столбик» стихотворения в постоянно движущиеся и взаимодействующие, как положительно и отрицательно заряженные частицы, строки. Это такой интертекстуальный анализ, анализ среды — два поэтических мира становятся единым целым, чтобы снова рухнуть. Поэтический генератор работает в онлайн режиме, каждый собственными руками может усилить или ослабить связь между поэтами, притянув или оттолкнув полярности.

Медиапоэзия — новое направление в современном искусстве, где соединяются технологии и слово. На стыке этого рождается «синтетическое» произведение, которое отображает реальность уже другими методами. Под этим подразумевается новая форма поэзии — она перестаёт быть только словом, но становится событием, передать которое теперь невозможно просто на бумаге. Зритель и слушатель медиапоэзии — её соавтор, соучастник. Медиа становятся единственно возможным способом анализа текста, его преобразования или же представления.

Ещё одна работа как пример такой новой жизни текста (в новом

измерении) — «Качели» Анны ТОЛКАЧЕВОЙ. Текст синтезируется с видео и не может жить без него, буквально воплощая себя. Текст представляет собой два слова — «качели» и «качали», они произносятся в разной последовательности, но не являются звуком — их только видно на экране (прямоугольник подсветки бежит по экрану и показывает, что именно произносится). Таким образом, текст произносит сам себя.

Анна Толкачева говорит об этом: «В большинстве работ, где я использую собственные тексты, текст не отделим от его представления. Произведение создается целиком изначально. Работы с текстами других авторов — это попытка выстраивания отдельной линии взаимоотношений видеопроизведения с исходным стихотворением через слова, присутствующим в том или ином виде на экране».

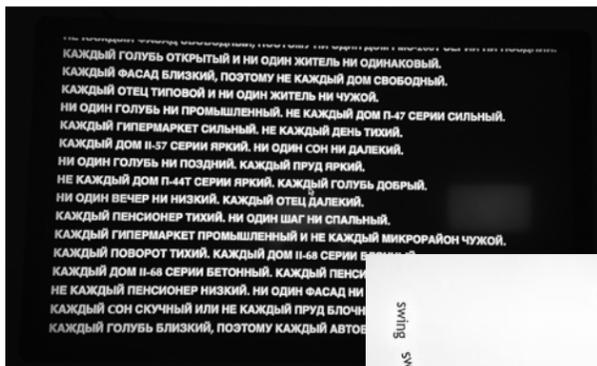
Также важным становится появление литературы из медиа с помощью новых механизмов. Так, поэтический генератор Натальи ФЁДОРОВОЙ «Синдром Эльпенора» (на основе «Стохастических текстов» Тео ЛУТЦА) является абсолютно новым текстом, который, будучи зачитанным, не отличим от простого стихотворения. В её работе слова «человек», «дом», «пенсионер», «менеджер» вдруг отрываются от привычных им характеристик и становятся «типовым менеджером», «блочным пенсионером», кто-то «однотипным», кто-то «серийным», а кто-то просто «скучным». Слова, соединяясь с не ха-

вручную, то каждая строчка имеет большее значение. Медиапоэзия не может быть отделена от средств и технологий, но она также обращается к возможностям «старой» поэзии: образам, рифмам, ритму и прочему. Невозможно отделить, например, поиск синонима в огромном массиве непонятных слов от простого подбора рифмы, даже если в этот раз рифмы генерируются автоматически.

Обратным воздействием литературы на медиа можно назвать появление пока маргинального жанра буктрейлеров — это небольшие видеоролики, рассказывающие в любой форме о какой-то книге, подобно тому, как с помощью визуальных средств привлекается внимание трейлерами к кинофильмам. Главная задача буктрейлера — подтолкнуть к чтению, но это же и главная проблема большого разделения между словом и изображением: это ещё вопрос, может ли одно стимулировать другое. Каким бы привлекательным ни было изображение, его никогда не найдешь в слове; буктрейлер становится такой мини-экранизацией, интерпретацией, а значит, вмешательством.

Текст повсюду

Елена Деми-дова — художник, автор перформансов (Москва) — считает: всё, что присутствует в нашем мире, названо и имеет своё слово. «Медиапоэзия визуализирует абстрактный текст, который заполняет всё пространство нашей жизни. Мы не знаем, какой текст остаётся у нас

→ #1 Качели (Анна Толкачёва)

↓ Личная переписка (Катя Исаева)

актерными для них определениями, приобретают новое звучание — не в этом ли смысл поэзии вообще?

Медиа также анализируют новые возможности проживания текста внутри социальных сетей. Оказывается, стихотворению есть место даже в личной переписке. Суть работы «Личная переписка» Кати ИСАЕВОЙ заключается в том, что поэзия требует столько затрат времени, сколько нужно, чтобы набрать текст стихотворения вручную или чтобы прочесть его вслух. Если набирать текст

на подсознании, а какой осознаётся в реальности. Если это письмо или литература, мы осознанно начинаем трудиться, осваиваем этот текст. Но если это рекламы, объявления, этикетки, сказанные случайными прохожими слова — этот шум мы почти не осознаём. Художники же пытаются воспринять этот текст. Мы исследуем язык и его изменения. Когда есть Интернет и социальные сети, мы иначе читаем. Книжки не являются чем-то святым, поэтому мы пытаемся воспринимать язык по-другому».

Медиапоэзия анализирует окружающую среду и преобразует её по-своему — при этом обнаруживается, что всё пространство вокруг — это не упорядоченный хаос из звуков и надписей, то есть текстов, а нечто большее. Об этом интерактивная работа Анны Толкачёвой — на постоянно длящемся видео обычная комната с дверью, окном, стеной, человеком, мебелью, шкафом. Всё это можно «потрогать» компьютерной мышкой и обнаружить звуковую сторону вещей, которая окажется лишь «wall», «book», «window». Звуковая поэзия создаётся из простого шума, повторения названий предметов, медиапоэзия исследует бытовую шум. Когда предметы вызывают свои названия, их имена постоянно проговариваются внутри человека. Текст живёт совсем рядом с нами и наслаивается, создавая убаюкивающее пространство.

Совсем иной способ существования текста в другой работе Толкачёвой «Мой/Моя/Моё» — это размышление на тему, может ли текст как-то по-новому присваиваться, и почему человек выбирает конкретное слово для своего имени-логина. Одно стихотворение разделяется на повторяющиеся операции — человек за кадром вводит слова и задаётся вопросом: имя — это и есть человек, или оно только то, чем человек обладает? Здесь поэтическое может стать примером преодоления барьера между языком и самим собой. И текст, постоянно преследующий человека повсюду, становится прирученным (знание пароля, правда, так и остаётся невыясненным).

В целом можно сказать, что современные цифровые, программные, экранные технологии и Интернет раздвигают рамки привычного использования и восприятия текста, расширяют спектр возможностей для передачи сообщения в самом широком смысле слова, создают многомерные пространства, в которых возможно новое прочтение, новое «проговаривание» и восприятие. Медиапоэзия — лишь часть этого пространства, новый способ восприятия, выросший из невозможности старыми средствами понимать современную реальность. Весь мир, суженный (или расширенный) до своего названия, получает новую жизнь, становится понятнее и ближе.

Медиа и литература не враждебны друг другу, хоть и кажется, будто их можно только противопоставить. Занимая не только из гуманитарной сферы, но и из точных наук, следуя развитию технологий, литература обращается к новым формам — и медиа здесь только дополняют литературу, добавляя новые смыслы. Она может работать с уже готовым материалом, вскрывать незамеченное и даже создавать новую поэзию — которая, правда, уже не может жить так, как раньше, то есть в книгах.

Главная проблема здесь и, наверное, главная претензия — граница, за которой форма перестаёт быть только формой и обретает содержание. Видимо, медиа должны существовать там, где другие средства не могут выразить необходимое. Где должны появиться не только строки, но и подсветки. Где текст обретает новые места для жизни, а бытие остро включивается собственными формами в формы литературные.

Кажется, что поэзия — это наше всё, но медиапоэзия — это всё, сохранённое на экране.

Олеся ПОЗДНЯКОВА

Бестселлер про науку

(Окончание.
Начало на стр. 7)

— Есть ли традиция преемственности между разными поколениями научных журналистов?

— Возможно, не все коллеги со мной согласятся, но я считаю, что современный российский научпоп ни в какой степени не является наследником советского научпопа. Традиция практически полностью вымерла.

Современная научная журналистика в большей степени строилась по западному образцу. Мы все читаем на английском, мы все формировали своё представление о том, как нужно популяризовать науку, из английских передач, статей, книжек, адаптировали западные подходы, форматы, модели. И что важно — мы взяли западный стиль работы с источниками, понимание, что основной источник — это не эксперт, а научная статья.

Год я работала шеф-редактором журнала «Здоровье», того самого советского, он ещё худо-бедно существовал, хотя утратил свои научно-популярные функции в обществе. И в течение этого года, в том числе на момент моего присутствия, пришёл юбилейный выпуск, связанный с 60-летием журнала. В связи с этим я много читала старые подшивки. Из знакомства с архивом журнала у меня и сложилось впечатление, что советская научная журналистика была в полной мере журналистской экспертной.

Советские научные журналисты либо сами были учёными, либо общались с учёными и рассказывали широкой публике о том, что учёные им сказали. Это хорошо и полезно, но связано с тем, что тогда был сильно затруднён доступ к научным публикациям, и научный журналист мог даже не читать на английском; сегодня это немыслимо.

Сегодня существуют две конкурирующие школы, отчасти даже враждебные. Школа журналистики публикаций — это люди, которые немного общаются с учёными, а главным образом читают статьи-первоисточники и пересказывают их широкой публике. И есть журналистика экспертов, где человек по-прежнему берёт у экспертов интервью, но здесь всё очень сильно зависит от того, насколько качественных экспертов он умеет выбирать и насколько умеет читать научные публикации.

— Интеллект, знания — это капитал будущего? И то, что они сейчас в моде, может позитивно отразиться на нашей жизни? Люди, например, захотят больше учиться, читать, будет меньше агрессии из-за того, что мы сейчас просто не разбираемся во многих вещах, где большую роль играет наука.

— Возможно, на эту тему лучше говорить с социологами, которые исследуют общество в целом. Мне интуитивно представляется, что существует два разнонаправленных процесса. С одной стороны, есть достаточно широкая и расширяющаяся прослойка населения, у которой действительно есть очень сильный запрос на знания, мода на интеллект. Но, с другой стороны, возможно, что мы — это заповедник гоблинов, совершенно нерепрезентативная выборка и крайне узкий слой, страшно далёкий от народа. Другой вопрос, что вся практика развития цивилизации показывает: общества, в которых знания ценятся, более успешные, спокойные, безопасные, сытные, комфортные, менее криминальные и так далее.

— Мода на отечественный научпоп среди читателей может повлиять на то, что у нас появится больше авторов среди учёных, общество «войдёт во вкус»?

— Когда Фонд «Династия» запускал в 2008 году премию «Просветитель», само экспертное сообщество премии выказывало сомнение, что книжек хватит для того, чтобы их награждать. Но с 2011 года стало понятно, что подаётся очень много заявок на премию, и с каждым годом выбирать лучшие среди хороших книжек всё сложнее и сложнее. Началось с перевода западных изданий, потом подтянулись и российские авторы. И здесь гигантская заслуга Александра Маркова, наверное, самого известного популяризатора биологии в современной России. Он заведует кафедрой эволюции в МГУ и написал три великолепные книги об эволюции. Его «Эволюция человека» — это не только эталон научпопа, это ещё и бестселлер. Марков показал, что написав научно-популярную книжку, вы просветите человечество и ещё заработаете на этом. Под его прямым или косвенным влиянием — и, смею надеяться, отчасти под моим, потому что я показала пишущей общественности, что даже юная телочка может написать книжку, — пошла огромная волна.

В ближайшие полгода выйдет пять крутейших книжек по биологии. А только что вышла книжка астронома Сергея ПОПОВА.

— Да, а вот как обстоят дела с физической, астрономией?

— Физику сложнее популяризовать. Но тем не менее самые успешные мировые бестселлеры — это, как ни странно, не книги ДОКИНЗА, а книги Стивена ХОККИНГА, которые вышли тиражом в миллионы экземпляров. Его «Краткая история времени» на голову сложнее, чем основная масса научпопа, и при этом она проще, чем всё остальное, что написано о том, как устроена вселенная, как устроено время и пространство, это и сделало её бестселлером.

— Готовы ли были вы к ответственному званию «популяризатор», принимаясь за первую книгу?

— «Здравствуйте, я родом из Бобруйска. Я — гуру, по-вашему значит: учитель», — была такая песенка у Майка НАУМЕНКО. На самом деле, нет. Когда я писала свою первую книжку, я ни к чему такому готова не была, и её успех многократно превзошёл все мои ожидания. Я написала её просто потому, что у меня была несчастная любовь, и я рассчитывала, что сейчас

напишу книжку, её издадут маленьким тиражом, у меня будет одна презентация, о которой я напишу в Фейсбуке, а объект моей несчастной любви прочтает и поймёт, какая я крутая.

Тут есть пара хороших биологических метафор. Во-первых, про то, что нужно грызть палочку. Японский учёный Масатоси Танака провёл в 1999 году эксперимент. У него было две группы крыс, он этих крыс бил током и смотрел, каким образом выделяющиеся гормоны стресса влияют на здоровье, на состояние иммунной системы, нервной системы, желудочно-кишечного тракта. Но между двумя группами крыс была разница. У одной из групп была деревянная палочка, которую можно было грызть. И вот учёный обнаружил, что если у вас есть деревянная палочка, то стресс в гораздо меньшей степени действует на ваше здоровье разрушительно, вы остаётесь намного более здоровым и благополучным.

Нужно придумать себе какое угодно занятие и предполагать, что когда вы это сделаете — защитите диссертацию, напишете книжку, научитесь плавать — то ваша проблема решится. Но даже если она не решится, по крайней мере, вы при деле, вы веселы, у вас остаётся навар.

Второе биологические обоснование моей деятельности — это смещённая активность, есть в биологии такое понятие. Например, если дерутся две птицы, и никто из них не может победить, и они не понимают, какая расстановка сил, то у них возникает сложная стрессовая ситуация. Тогда они могут внезапно прекратить драку и начать делать мирные действия, например, клевать что-то, или собирать палочки для гнезда, или чистить перья, а потом с новыми силами вступают в драку.

Когда у вас непонятная ситуация, вы можете совершенно рационально начать внезапно делать привычные действия, потому что само по себе их выполнение позволяет вам успокоиться и собраться с силами. И в каком-то смысле написание моей пер-

вой книжки — это пример смещённой активности.

Но я к тому времени была уже научным журналистом и рассказывать баечки про биологию — это то, что я лучше всего умела. Поэтому писать первую книжку было легко и приятно: вижу цель — не вижу препятствий. То, что книжка стала бестселлером и получила премию «Просветитель» и то, что меня второй год таскают на лекции, это все было для меня совершенно неожиданным побочным эффектом.

— Почему вы выбрали темой следующей своей книги лженауку?

— Моя вторая книжка — это некоторое сочетание удочки и рыбы. С одной стороны, я беру двенадцать особо распространённых, приближенных к жизни и опасных заблуждений и рассказываю, какие конкретно про них есть научные исследования. Почему научное сообщество предполагает, что гомеопатия не работает, ГМО безопасны, почему не надо дискриминировать геев по признаку сексуальной ориентации? С другой стороны, я стараюсь в каждой главе тщательно показать, как именно эти научные исследования были проведены, рассказываю о некачественных исследованиях.

Вторую книжку писать было гораздо сложнее, это требовало колоссального напряжения сил и воли, я так ни разу и не словила чувство потока, поэтому я думаю, что она будет в общем хуже с литературной точки зрения, сложнее и зануднее, потому что в значительной степени вытянута из меня клещами. Я волнуюсь, жду, она выйдет в феврале.

— Что самое сложное в написании книги?

— Боюсь, что у меня нет универсального ответа. Пожалуй, сложнее всего человеческий фактор, существо, которое живёт в твоей собственной голове и которое хочет вовсе не писать книжку, а выращивать помидоры или играть в компьютерные игрушки. В своё время я ушла в научную журналистику, потому что я, скорее, человек, которому проще работать на коротких дистанциях, чем на длинных. Книжка — это самое объёмное, что есть в нашей профессии. Это означает, что ты минимум полгода (ну или 4 месяца, если ты торопишься и очень много работаешь) занимаешься постоянно одним и тем же без получения отдачи. Это сложно.

Мне это было относительно просто с первой книжкой, потому что я видела в ней способ выйти замуж за человека, за которого в итоге вышла замуж. Со второй книгой было сложнее, потому что не было прямого биологического стимула. Я вообще очень люблю биологические инстинкты, тёмную природу, потому что их можно обуздывать, как дикую лошадь, и ехать на них туда, куда надо.

Сейчас у меня довольно хорошая жизнь, я уже статусный научный журналист, у меня счастливая семья, у меня нет финансовых проблем, у меня всё настолько спокойно, что писать книжку уже ужасно сложно. Потому что мозг — ленивая скотина, он думает, что и так всё хорошо, зачем ещё писать книжку? Это история про мотивацию в первую очередь. Всё остальное — дело техники, всё остальное практикуется по ходу ежедневной рабочей деятельности. Немножко таланта, немножко везения, а в остальном — железная задница, как в любой работе.

Что вы понимаете в лошадях

Один из способов узнать талантливое литературное имя — следить за конкурсами. Их победители прошли серьёзный отбор, и самобытного автора искушённое жюри уж точно не пропустит. Конкурс на премию им. В.П. Астафьева существует уже более 20 лет, и среди его победителей — немало представленных в сегодняшнем выпуске авторов. Предлагаем вашему вниманию ещё несколько имён лауреатов разных лет. Оцените, насколько у каждого поэта — своё восприятие мира (www.astafiev.ru/laureates).

**Алексей
ЕВСТРАТОВ,
41 год,
г. Пермь,
лауреат
2011 года**

Каша гречневая,
память вечная.
Должна быть пшенная,
но загнули.
Зато уж пили,
как положено.
И что-то ещё —
творожное.
Жалели
родню, и даже пели.
В общем, покойнику бы
понравилось.
Да ему вообще всё нравилось
в его девятнадцать.
Вот разве что
горный климат,
да дурацкое слово
«спецоперация»...

**Николай
ВДОВИН,
Краснояр-
ский край,
с. Качулька,
лауреат
2012 года**

Прохладной стали дни, морозней стали ночи,
всё меньше и плохих, и радостных вестей.
Ты размышляешь о происходящем, впрочем
несложно разглядеть, что линии путей
открыты и крупны как облетевший тополь.
А если есть душа, то у меня она
чем дальше, тем сильнее похожа на некрополь,
притом, что вспоминать я не люблю. Волна
молитв ушла в песок, а мы всё ждём и просим
то счастья хоть на миг, то горя от ума.
Но лёг на землю снег, и это значит осень
закончилась, и к нам опять пришла зима.
На речке станет лёд по щучьему веленью,
до новогодних дней опять подать рукой,
однако те из нас, чей ритм сердцебиенья
неровен и упрям, узнали, что покой
по сути — керосин и спички, а снаружи
то олово да медь, то мебель да бельё.
А те, кто впереди не лучше и не хуже,
им просто повезло, но это — не твоё.
Тебе читать стихи и помнить: понемногу
лекарство долгих лет излечит боль потерь,
а белый, белый снег ложится на дорогу,
и шепчет: не мечтай, не думай, и не верь.
Зачем лепить закат густой червонной краской,
зачем искать родник, когда не хочешь пить?
О боже, как твои иллюзии прекрасны,
как дорого за них приходится платить
рублями неудач, холодным, горьким чаем,
гортанной ворожкой каких-то чёрных птиц.
Но звёзды любят ночь, и все мы отвечаем
за верность старых притч и глупость небывлиц.
И только отзвучит ответ наш, как вернётся
такая тишина, хоть зажигаю свечу.
А белый, белый снег блестит на зимнем солнце.
Я ничего не жду, не верю, не хочу.

**Владимир
ПШЕНИЧНЫЙ,
39 лет, г. Томск,
лауреат
2007 года**

в солнце
в июле
горячей юле
закрутиться
да запнуться о тень
журавля
выплеснуть полведра
полдня
обратно
на звёздное дно
и с головой окатиться
ледяною
второй половиной
горячей спиной
почувствовать
нежные губы твои
это и значит
жить

у меня была
самая лучшая лошадь
а впрочем
что вы понимаете в лошадях
она умела стоять на хвосте
моя лошадь
она была зелёная
впрочем
что вы понимаете в лошадях

поэзия
точёные улитки слов
переползают улицы несмело
ложатся под колёса
засыпают
на рельсах
без страха
не проснуться

**Сергей ТЕНЯТНИКОВ,
34 года, г. Красноярск (живёт
в Германии), лауреат 2015 года**

Сизиф

у Сизифа есть камень
у Сизифа есть работа
у Сизифа есть время
у Сизифа есть гора
что ещё нужно для счастья
когда тебе слегка за 30
и наклонная плоскость крыш
скрывает окрестности Тартара

Прадед

мой прадед, отец 12-ти детей,
сибирский крестьянин Александр Баюшкин,
лишившийся ноги в 42-ом на одном
из бесчисленных русских полей,
вёл своеобразный дневник:
он ежедневно записывал
в амбарную книгу погоду.
Александр Баюшкин умер, так
и не окончив книгу.
к чему я это?
мне думается, что та книга с погодой
(которую я никогда не буду листать)
и есть единственное достоверное
доказательство жизни моего прадеда на Земле.

Язык времени

бродят призраки в европе...
я сижу в своей чужой квартире.
на тарелке в праздничном укропе
помидоры будто их прикончил киллер.
мне всё снится что мне снится
будто мертвый данте круче дуче.
только сколько ни голосовать за солнце
всё равно на небо лезут тучи.
(медленно дымит будто паяльник сигарета
прожигая горло саксофона)
бродит по европе гитлер —
несгораемый как сейф он.
в мастерской что выше туч и солнца
выше творит художник постаревший.
а на стадионе данте лишний
будто предан суду линча,
где фанаты глаго реинджерс
после матча ждут реванша.

Часть речи

я вошёл не в своё помещение:
здесь мне не у кого спросить разрешения,
снять куртку, ботинки, волосы, мясо.
здесь мне не у кого попросить прощения
за банальные слова, за измену мысли.
здесь не меняют серебро на золото.
тем более, лучше молчать дальше:
чем пауза дольше, тем язык чище.

я вошёл не в своё помещение:
здесь мне не у кого узнать время
вещания, посещения, крещения.
видимо, меня подвело моё зрение,
запрограммированное на возвращение,
как сердце на сокращение,
как планета на вращение,
как жизнь на отмщение.

я вошёл не в своё помещение:
здесь мне не у кого остановиться до утра.
но какое это имеет значение?
не стоит понапрасну драть гортань —
качество текста зависит от освещения,
как часть речи — от целого рта.
бумажный кораблик плывёт по течению,
как глаз при чтении.

Я не живу в Нью-Йорке

я не живу в Нью-Йорке
не считаю убитых уток
моё имя (в два раза длиннее чем у Лорки)
не сворачивает лимузином за угол
вот я протягиваю руки
хочу потрогать этот в канаву брошенный мир
и долго стою на звенящем перекрёстке
не решаясь поднять ключи от квартиры

В электронной версии
больше стихов и авторов